

Н. БЕРДЯЕВ

Основной миф марксизма

К. Маркс был страстным атеистом. Менее всего принадлежал он к людям, безразличным к религии. Он пытался дать философское и научное обоснование своему атеизму. Обоснование это в основе своей неоригинально и заимствовано у Л. Фейербаха. Л. Фейербах, автор прославленной в свое время книги «Сущность христианства», был левым гегельянцем, в лице которого германский идеализм перешел в материализм. Фейербах создал антропологическую теорию религии, согласно которой теология, т. е. учение о Боге, есть не что иное, как антропология, т. е. учение о человеке. Человеку представляется, что его собственная природа, его собственные высшие стремления и желания, есть природа, над ним находящаяся, т. е. Бог. Человек выбрасывает во вне, объективирует самого себя, создает Бога по своему образу и подобию. Фейербах говорит: бедный человек имеет богатого Бога. Это значит, что свои богатства человек переносит на Бога и сам их лишается. Эти богатства должны быть возвращены человеку, ему должна быть возвращена его собственная высшая природа. Вера в Бога обирает человека, обедняет его. Религия мешает реальному осуществлению человеческих стремлений и желаний, осуществлению его силы и счастья на земле. Религия переносит все в иллюзорную, призрачную сферу. Не имея возможности реально осуществить свои желания в земной жизни, несчастный человек представляет себе, что они осуществляются на том свете, на небе. Религиозная вера и есть выражение бессилия человека осуществить свои желания. И для того, чтобы человек действительно мог осуществить желание полноты жизни, нужно устранить религиозную веру как препятствие на его пути. Л. Фейербах был самым замечательным представителем атеизма в европейской философии XIX века. Маркс применил взгляд Фейербаха на религию к социальной жизни. В ранней своей работе «Введение в критику философии права Гегеля» Маркс определил свое отношение к религии. Там и сказана знаменитая фраза, которая красуется сейчас на всех советских заборах, — «Религия есть опиум для народа». Маркс начал с того, что признал основной задачей освобождение рабочего класса и человечества — освобождение от религиозной веры. Религия мешает освобождению, могуществу, реальному благу человека, она порабощает его призрачным благом, держит его сознание во власти иллюзий. Религия отражает реальное несчастье людей и дает воображаемое их счастье. Для достижения реального счастья нужно освободиться от воображаемого счастья, от религиозного самообмана. Религия всегда есть выражение бессилия человека, помета на путях приобретения силы. Поэтому она есть опиум для народа. Религия есть также оправдание и оружие эксплуатации человека человеком, класса классом. Религия отражает и оправдывает отношения господства в человеческом обществе, представляя себе Бога как главного господина. Она всегда мешала классам угнетенным, порабощенным, бедным, трудящимся восстать против своих поработителей и угнетателей, обещая им награду на небесах. Религия всегда оправдывала существующее зло, несправедливость, реальное несчастье людей, внушая им веру в возможность лишь небесного счастья. Религиозная вера мешала возрастанию активности человека, его мощи,

организации социальной жизни. Религия противоположна тому коллективному, социальному разуму человечества, который должен активно организовать и регулировать всю человеческую жизнь. Социальные интересы классов господствующих, эксплуатирующих поддерживают религиозные верования, согласно которым человек угнетенный, бедный, несчастный, должен терпеливо выносить свою жизнь.

Маркс верил, что в основании истории лежит эксплуатация, угнетение одного класса другим. На почве этой эксплуатации образовались и государство, и право, и социальная организация общества, и моральное сознание, и религиозные верования, и все идеологии. «Сознание» определяется «бытием», «бытие» же и было эксплуатацией класса классом. У угнетателей этот факт отразился в сознании по-одному, у угнетенных — по-другому. Некоторые марксисты, например Каутский, пытались объяснить самое происхождение христианства как результат настроений угнетенных, низших классов того времени, которые не могли найти реальных выходов из своего бедственного положения и искали небесных утешений. Первохристианство было идеологией бедных. Таким образом выходит, что христианство первоначально было «орудием эксплуатации», созданным эксплуатируемыми, а не эксплуатирующими. Лишь позже оно превращается в сознательное орудие эксплуатирующих. Но что бы ни писали марксисты о религии, а часто они пишут вещи совершенно смехотворные, особенно русские марксисты, всегда они предполагают, что основной и наиреальнейший факт человеческой жизни есть факт эксплуатации, угнетения. Это есть основной миф марксизма, все от него исходит и к нему сводится. Отсюда злоба и ненависть, которыми полны Маркс и марксисты. Они совершенно не способны мыслить объективно, беспристрастно, мысль у них всегда подчинена воле и чувству. Вера Маркса в эксплуатацию, как основной и определяющий факт общественной жизни, может быть сравнена с христианской верой в первородный грех. Эксплуатация человека человеком есть первородный грех всей мировой истории, он заражает всю историю, все мышление, всю веру, всю идеологию. Но разница с христианством та, что оно предлагает человеку видеть грех прежде всего в самом себе, марксист же видит грех всегда в других. Особенно наполнено злобой все, что писал Ленин о религии. По сравнению с грубостью Ленина, Маркс был очень культурным, тонким, философски углубленным мыслителем и писателем.

Постоянные декламации марксистов об эксплуатации, ненависть и злоба против злодеев-эксплуататоров, которые сеют его фанатические адепты, нисколько не оправдываются самим теоретическим миросозерцанием марксизма. По Марксу, в основе общественной жизни лежит производственный процесс, развитие материальных производительных сил. Состояние производительных сил, т. е. степень власти человека над стихийными силами природы, создает известный социальный строй и взаимоотношение классов. Классовое неравенство является необходимым результатом производственного процесса. Так, в известную историческую эпоху для развития производительных сил, для поддержания жизни общества, необ-

ходимо существование рабства или крепостного права, оно даже благостно, в другую эпоху необходимо существование капиталиста-буржуа и фабричного пролетариата, продающего свой труд. Таким образом, разные формы эксплуатации класса классом для Маркса оказываются оправданными и прогрессивными. Осуждает он лишь такие формы эксплуатации, которые уже не соответствуют требованию развития производительных сил. Капиталистической буржуазии, которая и есть по преимуществу класс эксплуататоров, Маркс приписывает даже великую прогрессивную миссию в истории, она больше всего способствовала развитию материальных производительных сил, развитию промышленности, без которого не было бы пролетариата и невозможна была бы победа социализма. Маркс, как теоретик, осуждал капиталистический строй не потому, что он несправедлив и безнравствен, а потому, что с известного момента он мешает дальнейшему развитию производительных сил общества, т. е. становится экономически реакционным. Каутский в «Эрфуртской программе», которая стала катехизисом немецкой социал-демократии, говорит, что если бы социалисты убедились, что социалистический строй мешает развитию материальных производительных сил, то они отказались бы от социализма и стали за строй, который развивает производительные силы. Мысль очень марксистская, но абсолютно осуждающая русский марксизм.

Нужно признать, что опыт практического применения марксизма в России привел к антирелигиозной пропаганде и гонениям на церковь с внутренней неизбежностью. Антирелигиозный и антихристианский дух был заложен в учении Маркса и составлял его внутренний пафос, его

движущий мотив. Марксизм в гораздо большей степени противоположен христианству, чем капитализму. Он целиком исходит из капитализма и заражен духом капитализма, он стоит с ним на одной почве. В действительности марксистский социализм идет на смену христианства. Марксистский социализм сам хочет стать религией, имеет религиозные претензии и ненавидит ту религию, которую хочет заменить. Он есть восстание земного, человеческого царства против царства Божьего, царства небесного. Но мы, христиане, должны бесстрашно признать, что христианство, искаженное людьми в истории и приспособленное к их интересам, действительно дает поводы к построению теории, что «религия есть орудие эксплуатации». Христианство, или вернее христиане, действительно часто защищали богатых и сильных мира сего, действительно оправдывали существующее социальное зло и несправедливость. На том основании, что первородный грех непобедим, церковные люди не хотели улучшения социальной жизни людей. В заражении рабочего класса атеизмом, в антирелигиозной пропаганде виноваты не только коммунисты, но и старые христиане, и старые грехи, и лицемерие христианского мира. Христиане мало думали об осуществлении Христовой правды в жизни. Осуществление социальной правды взяли на себя силы, враждебные христианству. И это великий укор для христиан, предостережение и угроза. Истина христианства не может быть классовой, но может быть и бывало классовым искажением истины христианства. И в том, что социалистическое рабочее движение соединялось с атеизмом и материализмом, не мало виновато классовое искажение истины христианства, обращение его в орудие земных, государственных и социальных интересов и целей.

ИГУМЕН ГЕННАДИЙ (ЭЙКАЛОВИЧ)

Не сотвори себе кумира и всякого подобия ему...

В последнее время в русских зарубежных журналах появился ряд прекрасных статей, по большей части из «самиздата», о характере русской интеллигенции, о ее роли во время революции и после нее. И ряд прекрасных книг. Статьи отличаются хорошим языком, отчетливостью мысли, глубоким прозрением, правдивостью и смелостью. Смелость часто граничит с героизмом. Это удивительный феномен! А, с другой стороны, как часто доходят до нас сведения о тяжести и подлости в жизни «там», вести не о героях и подвижниках, а о людях оступившихся. И неоднократно благодарим мы Бога, что мы не такие. Совсем как евангельский фарисей. «Я никогда не позволил бы себе такой подлости», — нашептывает оправдательский бес. Давайте проверим себя, так ли это. Ап. Петр накануне распятия говорил любимому Учителю: «Если все соблазнится о Тебе, я никогда не соблазнюсь... Хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, я никогда не отрекусь от Тебя» (Матф. XXVI, 33, 35). И в ту же ночь трижды отрекся.

Разве мы действительно иные люди, чем «те», оставшиеся там? Нет, вылеплены мы из той же самой этнической глины. Обстоятельства жизни у нас разные, это верно. Иногда и не по нашим заслугам. Кое-кто сознательно ушел оттуда, кое-кто по случайным обстоятельствам. Многие не могли уйти по физическим и моральным причинам. Многие стояли на распутье, в нерешительности, иногда курс действия определялся случайными толчками, внутренними или внешними.

Пишу эту статью не в оправдание подлости человеческой, а для того, чтобы поставить себя и остальных «посюсторонних» в правильную этическую перспективу. Не гордись, человек, не превозносись, ибо даже не предполагаешь, на что ты сам способен в минуту испытания. Ибо даже сорвавшись раз или два, не имеешь никакой гарантии, что не сорвался бы в третий раз или вообще, если бы на твою долю выпало более сильное испытание. «Нет человека, который был бы жив и не согрешил».

Много говорится в последние годы о культе личности. Как он возникает? Что лежит в самом его основании? Культ личности есть практическое исповедание человекобожия, выражающееся в лести. Оно предполагает две стороны: тех, кто льстит, и тех, или того, кому льстят. Так что же, возник этот культ во время Сталина? Ничего подобного! Всегда был он налицо там, где была сила и страх. А в особенности на нашей родине, во все времена, на всех общественных ступенях, во всех слоях. То ли это влияние Византии, то ли татарщины, то ли это продукт отечественного производства. Только никогда этот культ не окружал столь коварного и жестокого человека и не имел столь страшных последствий, как это было со Сталиным.

Как можно провести границу между учтивостью, вежливостью, почитанием, чинопочитанием, угождением, сервильностью и пресмыкательством? А сколько экзистенциальных нюансов между этими видами человекоугождения, объективных и субъективных. Размахи бы-

вают разные, но все они произрастают из тех же маленьких семян: страстишек. Сперва начинают действовать мелкие бесенята тщеславия, затем приходят покрупнее...

Человекоугодничество, основанное на страхе, было всегда и везде. Чувство омерзения, смешанное с какой-то долей жалости, овладевает читателя, когда он следит за переживаниями Абакумова во время его визита у Сталина («В круге первом» А. Солженицына). Ну, а раньше разве не было подобного? Бывало и сколько! По закону контраста на мысль приходит юмористическая история чеховского чиновника, который, будучи в театре, ненароком чихнул в лысину своему начальнику, сидевшему впереди его, и который затем... умер от душевного потрясения. Скажет кто-нибудь: «Да ведь это только рассказ, литература!..» А кто его знает, может такое дело и впрямь было? Ну, если чиновник и не умер, это Чехов мог прибавить от себя, то все остальное в этой истории очень правдоподобно. Подобные примеры найдешь и у Пушкина, и у Достоевского, и у Салтыкова-Щедрина, и у Гоголя, и у многих, многих других... Были самодуры, иногда весьма жестокие, и среди царей, и среди вельмож всякого ранга, и среди помещиков, и среди военных и вообще — во всех слоях нашего общества и даже среди духовенства.

Льсть есть приписывание кому-либо того, чего нет по существу: льсть есть ложь. Лжи и лести, поэтому, не должно быть места в Церкви. Ни лжи, ни ложного. Известно также из Евангелия, кто называется «отцом лжи». Все то, что номинально, не имеет реального значения, есть фальшивка. Это — онтологическая и аксиологическая пустота. В Церкви не должно быть ни пустых слов, ни пустых форм, ни пустых обычаев.

В человеке имеются зародыши и зла. И если и нельзя согласиться с поэтом, что «природу вместе созидали белбог и мрачный чернбог», тем не менее в тварном мире, вследствие роковых свершений в предистории, зародилось актуальное зло. «Мир», ведь, «во зле лежит». Нужно быть все время начеку и уничтожать поросль зла, как только она появляется.

Привожу пример одной ситуации в моей жизни, когда я поступил не так, как следовало, с этической точки зрения.

В 1941 г. случилось мне очутиться в одном из узбекских колхозов. Собралось нас там человек пятнадцать беженцев. Из нас сформировали нечто вроде рабочей бригады. Публика была, что называется, разношерстная, и в национальном, и в социальном отношении. Объединяло нас положение изгойное и голодное. Сбились мы довольно плотно: легче было отстаивать свои «привилегии» в конторе. Давали нам по фунту немолотой джугары на человека и иногда самую малость чего-либо вдобавок. Дневальный приготавливал варево для всех в общем котле. Отдельно от нас поселили женщину с двумя малолетними девочками, немку, по виду — горожанку. Как она сюда попала, мы не знали. На работу она не выходила. Никто из нас не был знаком с ней. Она явно дичилась нашей пестрой компании. Раз в неделю наш староста, молодой юрист из Вильны, поляк, ходил в контору получать паек. Идти надо было в соседнее селение, версты две. Обыкновенно он брал с собой кого-нибудь в помощь. Однажды взял меня. В конторе отсыпали нам зерна в мешки. Отдельно для нас, отдельно для немки. Понесли. Не доходя до нашего колхоза, староста свернул с дороги и присел на дне сужого арыка. Присел и я. Староста развязал мешки и из рациона немки пересыпал несколько пригоршней зерна в наш мешок. Я попробовал было запротестовать, но он подсунул мне под нос кулак — он был моложе и сильнее меня. «Не для себя беру, для бригады», — добавил он. Что мне оставалось

делать? Это прозито бы ему новым «делом», во-первых. Во-вторых, пришлось бы идти против бригады, довольно дружной в этих делах. Кража была невелика, несколько горстей зерна. Судьбу немки они не изменили бы, услужливо подсказал мне здравый смысл. Инстинкт самосохранения велел держаться «стада». Поступить иначе было бы смешным донкихотством. И я смолчал.

Дело, по размерам, небольшое. Но в нем были элементы всего того, что кажется нам столь омерзительным теперь: нечестность, эгоизм, круговая порука... Вопрос только в масштабе. Вскоре мне удалось, волею судеб, очутиться в свободном мире. Нужды в подобных сделках с совестью больше не было. Ну, а если бы я остался там навсегда? И если бы я был не одинок, а обременен семейством? И если бы мне грозил не бойкот случайной «шайки», а возможность войти в конфликт с советскими органами государственной безопасности? Куда бы я передвинул границу моей честности? Один Бог ведает! А память о двух обездоленных детках и их матери осталась навсегда...

Есть еще один кумир, с виду довольно безобидный. Называется он «Неудобно», в смысле — не ловко, стеснительно. Поклоняемся ему мы все, за исключением дикарей, циников и хиппи, которые не служат этому идолу, по разным, впрочем, причинам. Кумир этот — ближайший родственник идолу Лести. Послужил ему и я. Если и не прямо, то косвенно. Умолчанием. Не раз. Даже и здесь.

А и «там» дело обстоит иначе. Иные были обстоятельства. По крайней мере по отношению к большинству людей. Кривить совестью приходится, спасая не только собственную шкуру. Ведь страх за ближних ужаснее страха за себя. Внешние причины, воздействующие на человеческую волю, в данном случае отрицательно, там умножались, как изображение предмета в системе взаимоотражающихся зеркал. Испуг можно преодолеть, а п о с т о я н н ы й страх, и днем, и ночью, и на работе, и дома, делает людей психически и этически больными; страх, как средство промывания мозгов и сердец, как «априорное» подавление и размагничивание воли. Хорошо это представлено у Солженицына в «Раковом корпусе», когда он описывает «систему» заведующего кадрами Русанова. Единственными духовно свободными людьми в СССР являются лагерники, оставившие надежду на освобождение.

Быть может какой-нибудь читатель спросит, к чему я это все веду. В оправдание подлости или малодушия? Упаси Боже! Мои мотивы сводятся к следующему. Поступки людей надо расценивать с точки зрения христианской морали: ненавидь грех и люби грешника. Люби грешника не потому, что он грешит, а потому, что он твой брат. О б с у ж д а й поступки твоего ближнего, но н е о с у ж д а й его. Выносить приговор может лишь тот, кто к этому тягелому долгу призван обществом: судьи, присяжные заседатели. Не будь, однако, индифферентным по отношению к злу. Обдумывая преступность, духовную и юридическую, анализируй ее, чтобы, во-первых, самому избежать греха, если случатся подобные обстоятельства, а, во-вторых, в назидание твоему ближнему. Прощай свою личную обиду, помня, что это заповедал Распятый. Пусть чувство поруганной справедливости не ущемляет твою душу. Судья Нелицеприятный и Всеведущий сказал: «Мне отмщение, я воздам!».

С другой же стороны тот, кто запутался в сложившихся обстоятельствах и покривил душой, пусть не оправдывается, ссылаясь на эти обстоятельства. Для злого дела нет оправдания, а только объяснение. Боль от совершенного злодеяния можно смягчить лишь раскаянием. Именно «сердца сокрушенного» ждет от нас Тот, к Кому из каждой глубины грехопадения мы можем воззвать: «Авва, Отче!».

Н. БЕРДЯЕВ

Основная идея философии Льва Шестова *

Лев Шестов был философом, который философствовал всем своим существом, для которого философия была не академической специальностью, а делом жизни и смерти. Он был однодум. И поразительно была его независимость от окружающих течений времени. Он искал Бога, искал освобождения человека от власти необходимости. И это было его личной проблемой. Философия его принадлежала к типу философии экзистенциальной, т. е. объективировала процесс познания, не отрывала его от субъекта познания, связывала его с целостной судьбой человека. Экзистенциальная философия означает память об экзистенциальности философствующего субъекта, который вкладывает в свою философию экзистенциальный опыт. Этот тип философии предполагает, что тайна бытия постижима лишь в человеческом существовании. Для Льва Шестова человеческая трагедия, ужасы и страдания человеческой жизни, переживание безнадежности были источником философии. Не нужно преувеличивать новизны того, что сейчас называют экзистенциальной философией, благодаря некоторым течениям современной немецкой философии. Этот элемент был у всех подлинных и значительных философов. Спиноза философствовал геометрическим методом, и его философия может производить впечатление холодной объективной философии. Но философское познание было для него делом спасения, и его amor Dei intellectualis совсем не принадлежит к объективным наукообразным истинам. Кстати, очень интересно было отношение Л. Шестова к Спинозе. Спиноза был его врагом, с которым он всю жизнь боролся как с соблазном. Спиноза — представитель человеческого разума, разрушитель откровения. И вместе с тем Л. Шестов очень любил Спинозу, постоянно его вспоминал, часто его цитировал. В последние годы у Л. Шестова произошла очень значительная встреча с Киркегором. Он раньше никогда не читал его, знал лишь понаслышке и не может быть и речи о влиянии Киркегора на его мысль. Когда он прочел его, то был глубоко взволнован, потрясен близостью Киркегора к основной теме его жизни. И он причислил Киркегора к своим героям. Его героями были Ницше, Достоевский, Лютер, Паскаль и герои Библии — Авраам, Иов, Исаия. Как и у Киркегора, тема философии Л. Шестова была религиозной, как и у Киркегора, главным врагом его был Гегель. Он шел от Ницше к Библии. И он все более и более обращался к библейскому откровению. Конфликт библейского откровения и греческой философии стал основной темой его размышлений.

Л. Шестов подчинял основной теме своей жизни все, что он думал, что говорил и писал. Он мог смотреть на мир, производить оценки мысли других исключительно изнутри своей темы, он все к ней относил и делил мир по отношению к этой теме. Он был потрясен этой темой. Как ее формулировать? Он был потрясен властью необходимости над человеческой жизнью, которая порождает ужасы жизни. Его интересовали не грубые формы необходимости, а формы утонченные. Власть неотвратимой необходимости была идеализирована философами как разум и мораль, как самоочевидные и общеобязательные истины. Необходимость порождена познанием. Л. Шестов целиком захватывается той мыслью, что прехождение связано с познанием, с познанием добра и зла. Человек перестал сплываться от древа жизни и начал сплываться от древа познания. И Л. Шестов борется против власти познания,

подчиняющего человека закону, во имя освобождения жизни. Это есть страстный порыв к раю, к вольной райской жизни. Но рай достигается через обострение конфликта, через дисгармонию и безнадежность. Л. Шестов, в сущности, совсем не против научного познания, не против разума в обывденной жизни. Не в этом была его проблема. Он против претензий науки и разума решать вопрос о Боге, об освобождении человека от трагического ужаса человеческой судьбы, когда разум и разумное познание хотят ограничить возможности. Бог есть прежде всего неограниченные возможности, это основное определение Бога. Бог не связан никакими необходимыми истинами. Человеческая личность есть жертва необходимых истин, закона разума и морали, жертва универсального и общеобязательного.

Царству необходимости, царству разума противостоит Бог. Бог ничем не связан, ничему не подчинен, для Бога все возможно. Тут Л. Шестов ставит проблему, которая беспокоила еще схоластическую средневековую философию. Подчинен ли Бог разуму, истине и добру, или истина и добро есть лишь то, что полагает Бог? Первая точка зрения идет от Платона, на ней стоял св. Фома Аквинат. Вторую точку зрения защищал Дунс Скот. Первая точка зрения связана с интеллектуализмом, вторая с волюнтаризмом. У Л. Шестова есть родство с Дунсом Скотом, но он ставит проблему гораздо радикальнее. Если есть Бог, то раскрыты все возможности, то истины разума перестают быть неотвратимыми и ужасы жизни победимы. Тут мы прикасаемся к самому главному в шестовской теме. С этим связана та глубокая потрясенность, которая характеризует всю мысль Шестова. Может ли Бог сделать так, чтобы бывшее стало небывшим? Это наиболее непонятно для разума. Очень легко было неверно понять Л. Шестова. Отравленный Сократ может быть воскрешен, в это верят христиане, Киркегору может быть возвращена невеста, Ницше может быть излечен от ужасной болезни. Л. Шестов совсем не это хочет оказать. Бог может сделать так, что Сократ не был отравлен, Киркегор не лишился невесты, Ницше не заболел ужасной болезнью. Возможна абсолютная победа над той необходимостью, которую разумное познание налагает на прошлое. Л. Шестова мучила неотвратимость прошлого, мучил ужас однажды бывшего.

Все с той же темой о необходимой принуждающей истине связано и противопоставление Иерусалима и Афин, противопоставление Авраама и Иова Сократу и Аристотелю. Когда разум, открытый греческой философией, пытались соединить с откровением, то происходило отступление от веры, а это всегда делало богословие. Бог Авраама, Исаака и Иакова подменялся Богом богословов и философов. Филон был первым предателем. Бог был подчинен разуму, необходимым, общеобязательным истинам. Тогда Авраам, герой веры, погиб. Л. Шестов очень близок Лютеру, лютеровскому спасению одной верой. Освобождение человека не может прийти от него самого, а только от Бога. Бог — освободитель. Освобождает не разум, не мораль, не человеческая активность, а вера. Вера означает чудо для необходимых истин разума. Горы сдвигаются с места. Вера требует безумия. Это говорит уже апостол Павел. Вера утверждает конфликт, парадокс, как любил говорить Киркегор. Л. Шестов с большим радикализмом выразил подлинно существующую и вечную проблему. Парадоксальность мысли, ирония, к которой постоянно прибегал Л. Шестов в своей манере писать, мешали понимать его. Иногда его понимали как раз навыворот. Это

* Статья написана вскоре после смерти Шестова («Путь», № 58, ноябрь, декабрь 1938, январь 1939).

если бы ни сам Кант и никто другой до Канта не пробо-вал ни разу изучать мир в самом широком смысле этого слова, т. е. и небо и землю, — и все ограничивались только вопросом: как нужно изучать? На самом деле все было иначе: люди, в течение многих столетий до Канта, плавали много и хорошо плавали (Кант это особенно подчеркнул в своей основоположной книге), и Кант предложил свои вопросы после того, как сам не раз бросался в воду.

Так что возражение Гегеля, если его понимать à la lettre³), оказывается неудачным, наскоро сколоченным со-физмом. Но нет оснований думать, чтоб Гегель был на-столько наивен и на самом деле считал, что таким легко-мысленным соображением можно отделаться от поставлен-ных Кантом вопросов. Все говорит за то, что мысль Ге-геля была много глубже и серьезнее, и именно потому, что она была глубока и серьезна, он облек ее в форму шутки. Ведь вопросы Канта по самому существу своему были такие, что поставить-то их можно было, но ответить на них совсем и нельзя было — ни так, как Кант ответил, ни каким бы то ни было другим способом. Кто знает, — может быть, и сам Кант это чувствовал, и потому он об-наружил только половину, и далеко менее трудную и важ-ную, вопроса, а самое трудное и важное так же скрыл, как и Гегель в своем шуточном возражении. Канту, раз он затеял создать теорию познания, т. е. дать философское обоснование науке, никак нельзя было исходить из поло-жения, что у нас существуют науки — математика, есте-ствознание и т. д. Существуют науки — да, но этого не-достаточно. Задача ведь в том, чтобы оправдать их суще-ствование. Много существует, что не может и не должно быть оправдано. Существуют воровские пригоны, игорные дома, пригоны разврата, — но факт их существования ничего не говорит ни в их пользу, ни против них. И су-ществование наук и даже оказывавшийся им всегда почет несколько не защищает их от возможных укоров. Сейчас науки всеми приняты и приносят пользу. А что, если того, кто этим наукам вверяется и на них полагается, где-то в последнем счете ждет что-то много худшее, чем то, что было уготовлено Фалесу, когда он глядел через свою тру-бу на небо? И, стало быть, философ, если он хочет избе-гнуть беды, должен не искать связей с наукой, а всячески рвать их?

Как ответить на такой вопрос? Куда идти с ним? Кого спросить? И есть ли вообще такое существо, такая ин-станция, к которой можно с таким вопросом обращаться? А если есть, то по каким признакам узнать, что мы по-пали, куда следует?

Кант, говоря, этих вопросов не ставил. Он «был убеж-ден», что есть куда идти, что есть что-то непогрешимое либо в нас, либо вне нас, что раз навсегда и безошибочно разрешило, либо разрешит те сомнения, которые кроются в гегелевском возражении. Иначе говоря, — плавать-то мы умеем и ко дну не пойдём, нужно только отдать себе отчет в том, какими приемами мы пользуемся, чтоб дер-жаться на поверхности.

Откуда пришли к Канту его убеждения? Он молчит об этом, точно бы тут и спрашивать не о чем было. Но тут есть о чем спрашивать, и, если Кант не отвечает, то, по-неволе, приходится искать ответ в иных местах.

В «Свадьбе Фигаро» у Бомарше Сусанна сталкивается с Фигаро по поводу будущего устройства их семейного очага. При первом же возражении Фигаро Сусанна обры-вает разговор и с той ясностью, которую мы всегда ищем, но далеко не всегда находим даже у лучших философов, заявляет ему, что она вовсе не намерена с ним спорить и доказывать свою «правоту». Ибо, поясняет она, раз я вступила бы в спор, этим бы я уже признала, что могу быть и неправой. Вот она, настоящая, последняя, окончательная правота — именно такая, которая умеет не допускать сом-нений и вопросов! Фигаро принужден уступить, принуж-ден признать, что нужно остановиться — *аванги стине*⁴), выражаясь словами Аристотеля — перед волей своеврав-

ной, но для него непреодолимо очаровательной женщины. И тогда внезапно обнаруживается, что высшая инстанция, основательно и навсегда полагающая конец всяким спорам и пререканиям, — в капризе случайного, брэнного и прехо-дящего, но милого и близкого сердцу существа. Так, гово-рю, строил теорию познания своих героев пронизательный и тонкий Бомарше. Вправе ли мы использовать его прони-зательность и в том случае, когда речь идет не о легко-мысленных героях французской комедии, а о прославлен-ных вождях философских направлений? Допустим, что и у Канта, и у Гегеля, и у самого Аристотеля были свои Сусанны, которых они не умели или не хотели называть их настоящими именами, но пред которыми они так же безвольно и восторженно пасовали, как и Фигаро пред своей возлюбленной.

Знаю, что такое сопоставление вызовет негодование: Гегель, Кант, Аристотель, с одной стороны, и беспутный Фигаро, с другой. Но, помимо того, что «негодование» ведь никак не может сойти за возражение, на этот раз я могу сослаться на предание, и даже классическое, — о котором у нас уже шла речь. Ведь сам Платон не постеснялся рас-сказать нам о столкновении Фалеса с фракианкой или, лучше сказать, о том, как молодая невежественная (и то-же, повидимому, очаровательная) девушка посрамила отца философии. Спору быть не может: престарелый Фалес был посрамлен юной фракианкой, ибо она весело захо-тала, стоя на твердой земле, а он беспомощно взывал, ба-рахтаясь в своем колодеце. И тоже, как я уже указывал, спору быть не может, что критика фракианки многому научила философов. *Аванги стине* — оно родилось не в душе Аристотеля, а в душе провалившегося в колодезь Фалеса. Это испуганный Фалес, под промкий хохот дере-венской красавицы, принял твердое решение отныне не идти наудачу, куда Бог пошлет, а, прежде чем продвигать-ся вперед, тщательно разглядывать, куда ставить ногу.

В этом основное задание того, что принято называть теорией познания. Кант меньше всего был озабочен тем, чтобы оправдать науку и чистый разум. Он так же хоро-шо, как и Гегель, знал, что нельзя поднимать вопрос о правах научного познания. Ему только нужно было дис-кредитировать своевольную и капризную метафизику, т. е. показать, что метафизика возводит свое здание не на прочном граните, а на песке. Возражение же Гегеля нуж-но понимать так, что раз мы хотим сохранить уверенность в незыблемости наших метафизических приемов разыска-ния истины, то лучше всего совершенно упразднить воп-рос, откуда пришла к нам эта уверенность. Важно, чтобы уверенность была, а откуда и как мы ее добыли, это уже дело второе. Даже больше того: только такая уверенность прочна, о которой никто не может ни вспомнить, ни до-гадаться, когда и откуда она явилась. Ибо, если начать вспоминать и допытываться, — где порука, что наше лю-бопытство приведет нас к желанным результатам? А что, если получится обратное? Если желание обосновывать уверенность не только не упрочит, но расшатает ее? У нас есть знание, и знание принесло нам очень много: от добра добра не ищут. Останемся при том, что есть, и усы-пим в себе беспокойного искusstеля. Философу нельзя забывать опасный опыт Фалеса и выросший из него аристотелевский принцип *аванги стине*.

II

Итак, не нужно никакой метафизики, или, если уж допустить метафизику, то только такую, которая умеет ладить с наукой и даже покоряться ей. Ибо — вперед можно знать — если метафизика столкнется с наукой, она будет «сметена с лица земли». Новая философия вы-росла и окрепла в таком сознании. После Декарта и, в осо-бенности, после Спинозы, ни один из признанных фило-софов не мог говорить и думать иначе.

Спиноза оставил нам в наследие *ethica, more geometrico demonstrata*⁵). Никто не сомневается, что система Спинозы

³) Буквально (франц.).

⁴) Нужно остановиться (греч.).

⁵) Этику, доказываемую геометрическим способом (лат.).

есть система метафизическая. Но многие убеждены, что Спинозе был еще чужд тот «критицизм», который создан Кантом. В учебниках философии дело часто изображается так, что, живя Спиноза после Канта, он бы уже не мог говорить того, что он говорил. Но едва ли это верно. По-видимому, то, что было «существенного в критицизме Канта, уже целиком заключалось в *more geometrico*⁶⁾ Спинозы. Так же, как и Кант, Спиноза не хотел «произвольной» метафизики. Он добивался строгой научности и, если он облек свои размышления в форму математических выводов, то именно потому, что он, как вслед за ним и Кант, больше всего был озабочен тем, чтобы раз навсегда положить конец капризному разнообразию мнений и создать постоянное единообразие суждений, связанное с идеей необходимости. Аксиомы, постулаты, теоремы — все эти непривычные для читателя философских книг и, как будто бы, бесполезные облачения, в которые Спиноза нарядил свои истины, сослужили свою службу. Они, как когда-то слуга персидскому царю об афинянах, напоминали Спинозе, что в метафизике не должно быть произвола, что она должна быть строгой наукой.

Между прочим у Спинозы, как у многих других великих философов, вы не найдете точного ответа на вопрос, что такое наука. Даже Кант, когда писал «Критику чистого разума», не дал на этот вопрос исчерпывающего ответа. Наука? Всякий знает, что такое наука. Это — геометрия, арифметика, астрономия, физика, — даже история. Дальше примеров и общих мест никто не идет. И настоящего определения разума вы нигде не найдете, — даже у того же Канта, который критику разума написал. Предполагается, что все знают, что такое разум, как все знают, что такое наука. Если же вы сами из сочинений философов захотите извлечь представление о том, что такое разум и что такое наука, то все сведется к одному: разум и наука дают нам общеобязательные суждения. И там, где, так или иначе, добываются общеобязательные суждения, должны кончаться всякие сомнения, всякие споры: там все всегда думали и будут думать одинаково. И, стало быть, там — вечная истина.

Начиная уже с древности и до нашего времени поэтому взоры философов были обращены к математике. Платон отстранял от себя людей, не знавших геометрию. Кант называл математику королевской наукой, и даже Спиноза, сам правдивый Спиноза, считал своей обязанностью притворяться, что та истина, которую он так мучительно разыскивал, по своей природе не отличается от истины математической. Когда один из его корреспондентов спросил его, по какому праву он считает свою философию наилучшей, он ответил ему, что вовсе не считает ее наилучшей, а только истинной, и на том же основании, в силу которого всякий считает, что сумма углов в треугольнике равняется двум прямым.

Так ответил Спиноза своему разгневанному корреспонденту, так говорил он по всякому поводу и даже иной раз без всякого повода и в своих сочинениях. В «Этике» он обещал трактовать о Боге, уме и человеческих страстях так, точно речь шла бы о плоскостях и треугольниках, он дает торжественный обет вытравить из своего философского словаря все слова, которые сколько-нибудь напоминают человеческие желания, искания и боренья. Ни зло, ни добро, ни прекрасное, ни безобразное, ни хорошее, ни дурное не будет влиять, говорит он на его метод разыскания истины. Человек есть звено или одно из бесконечно многих звеньев в едином бесконечном целом, которое он называл то Богом, то природой, то субстанцией. Задача же философии сводится к тому, чтобы «понять» сложный и затейливый механизм, в силу которого бесконечное количество частей складывается в единое и самодовлеющее целое. Слова «Бог» он не отменил и даже (в том же письме к разгневанному корреспонденту) подчеркивал, что в его философии Богу отведено такое же почетное место, как и в других философиях: правдивый Спиноза не побрезгал и этой ложью.

На это обстоятельство я обращаю особое внимание, ибо, после Спинозы, принявшего на себя всю тяжесть ответственности за впервые в новой истории прославленную ложь, такого рода притворство было чуть ли не возведено в философскую добродетель. И слепому ясно: уравнение — Бог — природа — субстанция — обозначало, что Богу больше нельзя и не нужно давать места в философии. Иными словами: когда ищешь последнюю истину, нужно идти за ней туда же, куда идут математики, когда они разрешают свои проблемы. Когда мы спрашиваем, чему равна сумма углов в треугольнике, разве мы ждем, что тот, кто нам дает ответ на наш вопрос, имеет свободу так или иначе ответить нам, т. е. обладает свойством, по которому мы отличаем живое существо от неживого, одушевленное от неодушевленного? Оттого-то математика и отличается столь соблазняющей нас точностью и прочностью и связанности с этим всеобщностью и обязательностью своих суждений, что она отказалась от всего человеческого, что она не хочет ни *ridere*, ни *lugere*, ни *detestare*⁷⁾, что ей нужно только то, что у Спинозы называется *intellegere*⁸⁾.

И, раз философия хочет и себе такой же прочности и общеобязательности, у ней нет другого выхода. Она должна стремиться только к *intellegere* и все, что в *intellegere* не вмещается, отвергнуть как несуществующее и призрачное. А мы уже знаем, что значит у Спинозы *intellegere*. *Intellegere* значит представить себе мир как движущееся по существующим от века правилам бесконечное количество частиц (Лейбниц потом говорил монад), не имеющих ни возможности, ни права хоть в чем-нибудь изменить без них и вовсе не для них установленный порядок. И Бог, в этом смысле, несколько от людей не отличается. И его «свобода» только в подчинении порядку, который в конце концов и выражает его существо. *Deus ex solis suae naturae legibus et a nemine coactus agit*⁹⁾.

Вот почему уже в «Теолого-политическом трактате» Спиноза поднимает и без всякого видимого колебания разрешает вопрос о смысле и значении Библии и библейского Бога. В Библии, говорит он нам, Истины нет, и Библия не место для Истины. В Библии есть только моральное поучение. Это мы можем из Библии принять, а за Истиной нужно идти в другое место. Да, Библия на Истину не претендует, и то, что в ней рассказывается, на истину совсем и не похоже. Бог не создал в шесть дней мир, Бог не благословлял никогда человека, не открывался Моисею на Синае, не вывел евреев из Египта и т. д. Все это только поэтические образы, которые разумный человек истолковывает в условном и ограниченном смысле. Да и того Бога, о котором столько рассказывается в Библии, нет и никогда не было, — об этом опять-таки свидетельствует разум, т. е. то Нечто, что безапелляционно разрешает математические проблемы и в математике научает человека отделять истину от лжи. И, наконец, — это, пожалуй, для будущего имеет особенно важное значение, — не только нет того Бога, о котором рассказывается в Библии, но и надобности в нем нет. Для людей существенно — так становится все тот же, не признающий над собой никакой высшей власти разум, благодаря которому мы знаем, что сумма углов в треугольнике равна двум прямым — не то, есть ли Бог, а то, можно ли сохранить всю полноту благочестия, к которому приучились в течение столетий воспитанные на Св. Писании народы. Спиноза, уверовавший в непогрешимость разума, безропотно покоряется и этому его решению. Да, Бога можно и должно отвергнуть, — но благочестие и религиозность нужно и должно сохранить. А раз так, стало быть понятия «субстанции» или «природы», понятия, которые не оскорбляют ум воспитанного на математике человека, превосходно заменяют ставшую для всех неприемлемой идею Бога.

⁷⁾ Осмеивать, оплакивать, ненавидеть (лат.).

⁸⁾ Разуметь (лат.).

⁹⁾ Бог, который действует только по законам своей природы, не будучи никем принужденным (лат.).

⁶⁾ Геометрическим способом (лат.).

Спинозовская формула — *deus — natura — substantia*¹⁰), как и все сделанные из нее в «Этике» и в предшествующих «Этике» сочинениях выводы, обозначает только, что Бога — нет. Это открытие Спинозы стало исходной точкой размышления философии нового времени. Сколько бы теперь ни говорили о Боге, мы твердо знаем, что речь идет не о том Боге, который жил в библейские времена, который создал небо и землю и человека, который любит и хочет и волнуется и расквашивается и спорит с человеком и даже иной раз уступает человеку в споре. Разум, все тот же разум, который властен над треугольниками и перпендикулярами и который поэтому считает, что ему принадлежит суверенное право отличать истину от лжи, разум, который ищет не лучшей, а истинной философии, — этот разум со свойственной ему самоуверенностью недопускающим возражений тоном заявляет, что такой Бог не был бы все совершенным и даже просто совершенным существом, а потому, стало быть, он вовсе и не Бог. Всякого, кто откажется принять решение разума, неизбежно ждет участь Фалеса; он провалится в колодезь, и все земные радости станут для него недоступны.

III

Так учил нас правдивый Спиноза. Он нашел последнего судью над живыми и мертвыми, сам пред ним преклонился и нам завещал, что высшая, последняя мудрость в подчинении этому судье, по безвольной воле которого и сумма углов в треугольнике равняется двум прямым, и свершается все, что бывает в жизни . . .

И, что бы ни говорили историки философии, преемник Спинозы по настоящее время не удалось вырваться из власти возвещенных им идей. Ни «критицизм» Канта, ни «динамизм» Гегеля, ни наукословие Фихте, ни попытки Лейбница и Шеллинга, ни даже новейшая философская критика не в силах были перешагнуть за линию очерченного Спинозой круга. Много говорили о рационализме Спинозы, много старались противопоставить его «разуму» наш «опыт», но все это ни к чему не приводило и привести не могло. Ибо основного положения Спинозы никто не посмел коснуться. Все после него убеждены, что, когда нам нужна истина, мы должны за ней идти к тому же «неправедному» судье, от которого мы узнали, что сумма углов в треугольнике равняется двум прямым. Все верят и в то, что другого «праведного» судьи нет и быть не может, и еще в то, что и сам Спиноза за всеми своими истинами шел к неправедному судье и покорно, даже радостно подчинялся его приговорам. Покорность у нас на земле всегда считалась высшей добродетелью, ибо только в том случае, если все люди согласятся покориться одному началу, осуществима, по нашим представлениям, та «гармония», которая тоже считается высшим идеалом достижений. Ни один философ не дерзнул бы сказать то, что сказала легкомысленная Сусанна влюбленному в нее Фигаро, что ее каприз, каприз живого существа, стоит над неодушевленными нормами и законами. Сусанна ведь прежде покорила Фигаро, а потом с ним спорила. Философам же приходится обращаться к слушателям, которые к ним совершенно равнодушны и которые ни за что не покорятся, если их не принудить к покорности силой — все равно, физической или силой диалектики.

И вот мы являемся свидетелями поразительного явления. Философы, т. е. люди, которым истина дороже всего и которые должны были бы быть правдивыми *par excellence*¹¹), оказываются менее правдивыми, чем невежественные женщины. Фракианка хохотала, глядя на барахтавшегося в колодезе Фалеса. Сусанна откровенно говорила, что для нее каприз — единственный источник истины. Приходилось ли вам слышать что-нибудь подобное из уст представителей мудрости? Даже софисты — на что, кажется, уж смелые люди, так скомпрометировавшие себя своею смелостью пред судом истории — и те никогда не

разрешали себе такой правдивости. Они «спорили» с Сократом: им хотелось, чтобы и Сократ, и все другие люди признали их истину, т. е. согласились бы, что их утверждения являются не выражением их «случайных» желаний и устремлений, а чем-то таким, что они получили все от того же, стоящего над людьми и богами, но не имеющего в себе ничего человеческого, даже ни одного из признаков одушевленности, начала. Ведь на этом, и только на этом, и улавливал их в свои диалектические сети Сократ, если только то, что нам Платон рассказывает о спорах Сократа с софистами, соответствует исторической действительности. Ибо, если бы софисты, как веселая фракианка или беспечная Сусанна, отвечали на все представленные им возражения хохотом или отказывались от спора за ненадобностью или из презрения к общеобязательным истинам, непобедимый в спорах Сократ был бы совершенно обезоружен. Но видно и софисты верили в суверенные права разума декретировать общеобязательные истины, или, если не верили, значит Судьбе не угодно было сохранить в истории следы столь необычного для смертных дерзновения. Это вполне допустимо; мы ведь очень хорошо знаем, что боги завистливы и ревниво оберегают от людского взора наиболее глубокие тайны.

Так или иначе, история философии свидетельствует нам, что для человека искание истины всегда было погоней за общеобязательными суждениями. Человеку мало было обладать истиной. Он хотел иного, как ему казалось, «лучшего»: чтоб его истина была «истиной для всех». Чтоб иметь на это право, он создал фикцию, что он свою истину не сам творит, а берет ее готовой и не у такого же существа, как он сам, т. е. у существа живого, значит, прежде всего, непостоянного, изменчивого, капризного, — а из рук чего-то, что перемен не знает и не хочет, ибо оно вообще ничего не хочет, и ему нет никакого дела ни до себя, ни до кого другого: из рук того, что научает нас, что сумма углов в треугольнике равна двум прямым. Соответственно этому, раз истина имеет своим источником такое особенное и непременно неодушевленное существо, добродетель человеческая сводится целиком к отречению от себя, к самоотречению. Безличная и беспристрастная истина, с одной стороны, и готовность все принести в жертву такой истине, вот что было видимым *primum movens*¹²) уже древней философии. В середине века, даже раньше, — с самого почти начала нашей эры, — вдохновляемые Библией философы и теологи делали попытки бороться с завещанной эллинами «мудростью». Но, в общем, они были безуспешны и заранее обречены на неудачу. За несколько десятков лет до того, как Библия открылась европейским народам, Филон Иудейский начал уже хлопотать о «примирении» восточного откровения с западной наукой. Но то, что он называл примирением, было предательством. Некоторые отцы церкви, как Тертуллиан, например, давали себе в этом отчет. Но не все, как Тертуллиан, умели видеть, в чем сущность эллинского духа и опасность его влияния. Он один понял, что Афины, как он выражался, никогда не спорятся с Иерусалимом. Он единственный — и тоже только один раз — в прославившемся изречении, которое я уже не раз приводил и которое, по-моему, как я уже тоже указывал, каждый из нас должен повторять ежедневно, ложась спать и вставая ото сна, — решился признать заклинательную формулу, которая одна только и может дать нам свободу от векового наваждения: *Non pudet — quia pudendum est, prorsus credibile — quia ineptum est, certum — quia impossibile*¹³). Вот с каким *Novum Organon*¹⁴) попытался было подойти к Вечной Книжке Тертуллиан. Раз только, один раз за два тысячелетия, которые прошли с тех пор, как западные народы стали читать Библию, одному человеку пришлось в голову, что прославляемые разумом *pudendum, ineptum, impossibile*¹⁵) отнимают у нас самое драгоценное. Тертуллиану никто не услышал, он сам даже

¹²) Первым двигающим началом (лат.).

¹³) Не стыдно, ибо постыдно; предельно достоверно, ибо нелепо; уверенно, ибо невозможно (лат.).

¹⁴) Новая система (лат.).

¹⁵) Постыдно, нелепо, невозможно (лат.).

¹⁰) Бог — природа — субстанция (лат.).

¹¹) В первую очередь (фр.).

не услышал себя. Его слова либо совсем забыты, либо, если и приводятся иногда светскими или церковными писателями, то лишь как образец крайней бессмысленности и бестактности. Все считают своим долгом не только мирить Афины с Иерусалимом, но требовать от Иерусалима, чтобы он шел за оправданием и благословением в Афины. Филонская мысль даже проникла в Св. Писание и окрасила собою четвертое Евангелие. В начале было слово — это значило: сперва были Афины, а после — Иерусалим. И, значит, все, что пришло из Иерусалима, надо взвешивать на афинских весах. Библейский Бог, поскольку он не соответствовал эллинскому представлению о всесовершеннейшем существе, должен был согласиться изменить свою «природу». Прежде всего, ему пришлось отказаться от «образа и подобия», ибо, как грекам это было точно известно, всесовершеннейшее существо не должно иметь никакого образа и никакого подобия и, менее всего, образа и подобия человека...

Так соблазняющее и ныне многих онтологическое доказательство бытия Божия (хотя Кант его и отверг — Гегель убедил нас, что к нему нужно вернуться) ведь означает не что иное, как готовность отдать Иерусалим на суд Афин. Идея всесовершеннейшего существа была создана в Афинах, и библейский Бог, чтобы приобрести предикат бытия, должен был идти за ним с земным поклоном в Афины, где выковыливались и раздавались все предикаты, которые не могут существовать без общего признания. Ни один «разумный» человек не согласится допустить, что Бог может добыть себе нужные ему предикаты по тертуллиановскому *Novum Organon* — *non pudet quia pudendum est et certum quia impossibile*. И это относится не только к нашим современникам или к древним: нельзя забывать, что и «религиозно» настроенное средневековое чтило в Аристотеле *praecursor Christi in naturalibus*¹⁶⁾ и про себя думало, что *philosophus* был тоже предшественником Христа *in supernaturalibus*¹⁷⁾.

Эта древняя, не умершая и в «мрачную эпоху» средневековья идея получила полное свое выражение в новое время в философии Спинозы. Сейчас она так овладела умами людей, что из ныне живущих никто даже не подозревает, что правдивый Спиноза вовсе не был так правдив, как это принято думать. Неправда, что философию свою он считал не лучшей, а только истинной. Неправда тоже, что, создавая ее, он не плакал, не смеялся, не проклинал, а только прислушивался к тому, что ему говорил разум, т. е. тот ко всему безразличный — потому что не живой — судья, который провозгласил, что сумма углов в треугольнике равняется двум прямым. Если не верите мне, — прочтите *Tractatus de emendatione intellectus*¹⁸⁾ или хоть вступительные слова к этому трактату. Тогда вы будете знать, что Спиноза, как некогда Фалес, провалился в пропасть и что из глубины пропасти он взывал к Господу. Не правда тоже, что он трактывал о Боге, уме, о человеческих страстях, как трактуют о линиях и плоскостях, и что он, как и тот судья, которого он навязал людям, был равнодушен и к добру и к злу, и к хорошему и к дурному, и к прекрасному и к безобразному, и только добивался «понимания». Математические рисунки, которые он облачал свою мысль, были взяты им «на прокат», чтоб придать побольше тяжеловесности своему изложению, — ведь люди отождествляют так охотно тяжеловесность с значительностью. Но попробуйте «раздрать» их — и вы увидите, как мало похож настоящий Спиноза на того, которого нам сохранила история. Философию свою он, повторяю, считал не истинной, а наилучшей, вопреки тому, что он так категорически заявил своему корреспонденту. Он сам в этом признался в конце эпитки: *Omnia praeclara tam difficilia quam rara sunt*¹⁹⁾, сказал он. Он искал не *verum*, а *optimum*²⁰⁾, а людям он, правдивый Спиноза, рассказывал не-

правду о том, что тому, кто решает, что сумма углов в треугольнике равна двум прямым, дано разрешать все вопросы, возникающие в мятежной и тоскующей человеческой душе. Как случилось, что правдивый Спиноза возвещал всю свою жизнь такую безобразную ложь, об этом я говорю в другом месте. Здесь скажу только еще раз, что эту ложь люди нового времени приняли как единственно возможную высшую правду. Спиноза оказался не только мудрецом, но и святым. Он для нас был единственным трезвым среди пьяных, как некогда Анаксагор для Аристотеля. И он же был канонизирован в святые, — вспомните хотя бы восторженные слова Шлейермахера: *Opfert mit mir ehrerbietig dem Manne des heiligen verstossenen Spinoza*²¹⁾ и т. д.

IV

Правдивый Спиноза, с неслыханной доселе силой и вдохновением, возвестил людям ложь. Правда — как я уже указывал — эта ложь не им была придумана. Она живет в мире с тех пор, как человеческая мысль стала добиваться господства «знания» над жизнью. Если верить учебникам философии, это произошло в Европе за шесть веков до нашей эры, и отцом этой лжи был Фалес. Если верить Библии, это произошло много раньше, когда на земле было всего два человека, и отцом этой лжи был не человек, а принявший образ змия дьявол. Библии мы не верим: Спиноза открыл нам, что в Библии можно найти высокую и еще для нас годную мораль, но за истиной нужно идти в иные места. Но так или иначе, от Фалеса ли это идет, или от дьявола, факт остается неизменным: люди глубоко убеждены, люди считают это самоочевидной истиной, что они находятся во власти какой-то, от века существующей, бесплотной и равнодушной силы, которой дано решать, и чему равняется сумма углов в треугольнике, и какая судьба ждет человека, народы и даже вселенную. Или, как выразилось со свойственным ему загадочным и зловещим спокойствием все тот же Спиноза: разум и воля Бога имеет столько же общего с разумом и волей человека, сколько созвездие Пса со псом, лающим животным. Всякая попытка вырваться из власти веками создавшегося убеждения разбивается о целый ряд заранее подготовленных, тоже «самоочевидных» и непреодолимых в своей самоочевидности *pudendum, ineptum, impossibile*²²⁾.

Может быть, одним из наиболее замечательных примеров связанности современной философской мысли является столь прославившийся юмо-кантовский спор. Как известно, Кант не раз заявлял, что Юм пробудил его от сна. И точно, читая Юма и те места у Канта, в которых встречаются ссылки на Юма, кажется, что иначе быть не могло, что то, что увидел Юм и что после Юма уже видно было Канту, не только спящего, но и мертвого могло бы разбудить. Юм писал: «Есть ли в природе принцип, более таинственный, нежели связь души и тела, принцип, благодаря которому предполагаемая духовная субстанция приобретает над материальной такую власть, что самая утонченная мысль может действовать на самую тубую материю? И если бы мы обладали силой путем тайного желанья передвигать горы или направлять планеты в их орбитах, эта широкая власть не была бы более необыкновенной или более превышающей наше понимание, чем вышеупомянутая». Так писал Юм. Кант, повторяя слова Юма, говорил почти теми же словами: «*Dass mein Willen meinen Arm bewegt, ist mir nicht verständlicher, als wenn jemand sagte, dass derselbe auch den Mond zurückhalten könne*»²³⁾.

Казалось, чего еще? Казалось бы, что для людей, которые такое увидели, дальнейший сон, дальнейшая вера в

²¹⁾ Принесите же вместе со мной благоговейные жертвы духу святого изгнанного Спинозы (нем.).

²²⁾ Постыдно, нелепо, невозможно (лат.).

²³⁾ «Что моя воля приводит в движение мою руку, для меня это не более понятно, чем если бы кто-нибудь сказал, что моя рука может задержать луну в ее движении» (нем.). (Прим. Л. Шестова).

¹⁶⁾ Предшественника Христа в естественном плане (лат.).

¹⁷⁾ В сверхъестественном плане (лат.).

¹⁸⁾ Трактат об усовершенствовании разума (лат.).

¹⁹⁾ Все благородное столь же трудно, сколь и редко (лат.).

²⁰⁾ Не истинного, а лучшего (лат.).

понимание, в *intellegere*²⁴) станет невозможной и ненужной. Что они, как Тертуллиан, вырвутся из власти дьявольского наваждения и, проснувшись к окончательной действительности, разобьют вдребезги все сковывавшие их *rudendum, inertum, impossibile*...²⁵)

Но не тут-то было. И Юм, и Кант проснулись — во сне. Их пробуждение было иллюзорным. Даже то обстоятельство, что они в себе открыли чудесную силу двигать горы и направлять планеты в их орбитах, не научило их тому, что они имеют иное предназначение, чем перпендикуляры и треугольники. Юм заговорил о «привычке» — и забыл о виденных чудесах. Кант, чтоб не глядеть на чудеса, перенес их в область *Ding an sich*²⁶), а людям оставил синтетические суждения *a priori*²⁷), трансцендентальную философию и три жалких «постулата»; т. е. выполнил программу Спинозы: благочестие и мораль он отстоял, а Бога — предал, поставив на его место понятие, которое создано им по образу и подобию высшего критерия математических истин. И такая философия всем показала «возвышенную *par excellence*»²⁸). Мораль, как и ее родитель, разум, или то, что разумом называли, стала автономной, самозаконной. И чем «чище», чем самозаконнее, чем независимее была мораль, тем больше перед ней преклонялись. За Кантом выступил Фихте и опять воссоздал Спинозу в своем «этическом идеализме». Человек должен, прежде всего, повиноваться, и повиноваться началу, столь же далекому от него, как и воспетье Спинозой перпендикуляры и треугольники, они же являются в смиренной покорности высшему началу вечными и недосыгаемыми образцами для беспокойных и неразумно мятущихся смертных. Гегель шел в том же направлении: сколько он ни боролся со Спинозой, как упорно он ни стремился в своем «динамизме» преодолеть статику своего учителя, — он еще более укрепил в людях веру в «автономно» разума. Для него философия была «саморазвитием» духа, — т. е. автоматическим развертыванием Абсолюта, который «идеальностью» своей природы и своей неодолимостью превосходит даже математические понятия. О современных философиях я уже не говорю. У них страх перед «разумом» так велик, вера в незыблемость синтетических суждений *a priori* так непреодолимо прочна, что никому и в голову не приходит, что здесь еще возможна борьба. «Чудеса», которые открылись на мгновение Юму и Канту, забыты. Кто не с наукой — того ждет участь Фалеса. Тот рано или поздно будет «сметен с лица земли» или, как Фалес, провалится в колодезь под веселый хохот молодых красавиц.

Я сказал, что правдивый Спиноза возвестил людям заведомую ложь. Могут спросить: почему же люди поверили ему? Как удалось ему заворочить их — отнять у них зрение и силу? Внимательный читатель, быть может, и сам догадался уже, как ответить на эти вопросы. Недаром ведь мне пришлось на этих страницах столько раз вспоминать о Фалесе. Ведь он точно провалился в колодезь — это не ложь и не выдумка. И со всяким, кто не глядит себе под ноги, рано или поздно случится беда. Иначе выражаясь: нельзя безнаказанно пренебрегать здравым смыслом и наукой. Оттого-то Юм и Кант так торопились забыть виденные ими чудеса и так крепко вцепились, один — в привычку, другой — в синтетические суждения *a priori*. Их ученики и поклонники это чувствовали — это и обеспечило успех их философиям. Кто боится провала, тот должен верить в «правдивость» Спинозы, слушать Юма и Канта — и закрываться, чем Бог пошлет, от всего необыкновенного и «чудесного»...

И все же, Спиноза и все те, которые пошли от Спинозы и духовно питались им, возвещали людям ложь: нельзя безнаказанно пренебрегать здравым смыслом и наукой — это людям открывает их «повседневный опыт».

Но есть и другой опыт — он открывает другое. Открывает, что нельзя также «безнаказанно» верить здравому смыслу и науке. Что и поверившихся, как и пренебрегших, равно ждет «наказание». Фракианка, издававшаяся над Фалесом — ее-то миновала что ли пропасть? Где она? Где ее веселый хохот? Об этом история молчит! История, загадочная наука, рассказывающая о делах давно минувших дней, никогда не вспоминает, что ждало «победителей», какие пропасти были для них уготованы. Вы можете наизусть выучить много томов исторических книг — и не знать такой «простой» истины. Чем больше читаете вы исторических сочинений, тем основательнее вы забываете старую истину, что человек смертен. Слово история ставит себе задачей так воссоздавать жизнь, как если бы люди никогда не умирали. Да так оно и есть. У истории имеется своя философия, и эта философия требует от нее именно такого воссоздания человеческого прошлого. Иначе разве мог бы зародиться у людей нелепый миф, что готовность следовать за наукой и здравым смыслом обеспечивает безнаказанность? Впрочем, нужно думать, что историки собственными средствами не справились бы с такой задачей. За историками стоит и ими движет какая-то иная и непостижимая сила — создает то *enchantement et assoupissement surnaturel*²⁹), о котором речь идет у Паскаля и о котором ни Кант, ни шедшие по пути Канта пносеологи никогда даже не подозревали. Ни математика, ни равняющиеся по математике науки не могут расколдовать человеческое сознание и освободить его от сверхъестественных чар. Да и стремится ли наука к «свободному» исследованию? Ищет ли она пути к действительности? Я уже приводил образцы мышления таких смелых людей, как Кант и Юм. Как только на их путях вставало что-либо из ряда выходящее, они сейчас же прятались в свою раковину, решали, что это то, что нужно не видеть, даже то, чего нет, что это — «чудо». Для большей наглядности приведу еще один пример из книги современного, очень известного и влиятельного историка литературы. Чтобы объяснить своему читателю смысл и значение «философии тождества», унаследованного Гегелем от Шеллинга, в свою очередь получившего «прозрение» из книги Спинозы, ученый историк пишет: *Solange man die Erkenntnis sich nach dem Gegenstand „richten lässt“ in dem Sinne, dass er für sie bei aller noch so grossen Annäherung doch immer ein äusserlicher ist und bleibt; — solange bleibt die Zustimmung des „Subjektiven“ und „Objektiven“ ein unbegreifliches Wunder. Dieses Wunder schwindet nur erst... etc*³⁰).

Примеров таких суждений я мог бы набрать сколько угодно. Из них явствует, в чем основная «вера» науки и философии, которая все время оглядывается на науку в убеждении, что, если она с наукой не поладит, она неизбежно будет «сметена с лица земли» (взятые в кавычки слова тоже принадлежат не мне, а одному очень известному современному философу). Чудо «непостижимо», так как его нельзя уловить в сети «всеобщих и необходимых суждений». *Ergo*³¹), если бы оно предстало пред нашими глазами, наша наука научила бы не видеть его. Она не может успокоиться, пока все «чудесное» не уходит из поля ее зрения: «*Das Wunder schwindet*»³²). И при таком добровольном самоограничении, равного которому человеческая мысль не знала, повидимому, ни в одну историческую эпоху — наука со всей искренностью отождествляет себя со свободным исследованием. Что это, спросу еще раз, как не «сверхъестественное наваждение», которым так болезненно мучился Паскаль? При выработанных наукой методах разыскания истины — мы роковым образом обре-

²⁹) Сверхъестественное наваждение и усыпление (фр.).

³⁰) «Пока познание направляется по объекту в том смысле, что объект при каком угодно приближении к сознанию все же есть и остается для него внешним, — до тех пор связь между объективным и субъективным будет непостижимым чудом. Это чудо исчезает» и т. д. (нем.). (Прим. Л. Шестова).

³¹) Значит (лат.).

³²) Чудо исчезает (нем.).

²⁴) Разумение (лат.).

²⁵) Постыдно, нелепо, невозможно (лат.).

²⁶) Вещь в себе (нем.).

²⁷) Дедуктивные суждения (лат.).

²⁸) В первую очередь (фр.).

чены на то, чтобы самое важное, самое значительное для нас казалось несуществующим *par excellence*³³). Когда оно является перед нами, нами овладевает безумный ужас, душа боится, что великое Ничто поглотит ее навсегда, и бежит без оглядки назад — туда, где торжествуют веселые и беспечные фракианки.

Какой же выход отсюда? Как преодолеть кошмарное наваждение, когда оно ниспослано сверхъестественной силой? И «как может человек препираться с Богом»? Сверхъестественное наваждение рассеивается только сверхъестественной же силой. Спинозовский судья, не удовольствовавшийся властью над треугольниками и перпендикулярами и подчинивший себе живых людей, никог-

да, конечно, не благословит крошечного в сверхъестественном произвола и попрежнему будет пугать нас перунами своей «необходимости». Но ни его благословение, ни угрозы теперь, когда наваждение исчезло, не производят прежнего действия. Все *puendum, inertum, impossibile*³⁴), сорванные нашим праотцем с райского дерева, забыты. Забыты и «общеобязательные суждения» и довлеющее себе благочестие, которые так прельщали нас. Может быть, читатель, которого не оттолкнут долгие странствования по душам, давшие материал для этой книги, убедится, что в Св. Писании есть Истина и что Спиноза, во исполнение воли пославшего его, был обречен отнять эту истину у наших современников.

³³) В первую очередь (фр.).

³⁴) Постыдное, нелепое, невозможное (лат.).

ОЛЕГ ИЛЬИНСКИЙ

Координаты жизни

Двадцатый век ставит культуре свои, особые требования. В связи с этим, некоторым кажется, даже, что современность враждебна индивидуальной культуре. Это неверно. Современность дает личности большую свободу, большие возможности. Свобода же, как известно, имеет смысл только при наличии ответственности, иначе она превращается в неопределенное понятие, иначе человеческая деятельность, человеческое творчество становятся аморфными, иначе утрачиваются вехи, по отношению к которым расставляются сравнения и оценки.

Именно, нарушение равновесия между огромностью открывающихся возможностей — и, стало быть, свободой — с одной стороны — и ответственной целеустремленностью, стало быть, в конечном итоге — дисциплиной и формой — создает то состояние кризиса, которое так характерно для двадцатого века. Для преодоления этого кризиса нужен огромный волевой напор, нужна огромная способность к интеграции идей, нужны, наконец, и это самое главное, крупные ориентиры, для того, чтобы не раствориться в свободе возможностей.

Двадцатый век получил в наследство от прошлого огромное количество разнообразных данностей культуры, различных более или менее удачных методов разрешения задач, в разное время встававших перед человечеством. Тут и попытки создать устойчивые формы общежития, и популяризация ценностей культуры, и приспособление идейного комплекса к практическим нуждам, тут и рационализм, и позитивизм, и утилитаризм и простоту рутинна. Тут и крупные научные достижения. Обладая огромным опытом культуры, двадцатый век, однако, получил в наследство и тяжеловесность старого рутинного уклада. Двадцатому веку с самого начала стало тесно в рамках девятнадцатого. И если в области прикладной цивилизации двадцатый век до некоторой степени идет по стопам девятнадцатого (хотя и колоссально развивает его достижения), то в области теоретической мысли есть новые немислимые прежде возможности. Двадцатый век характеризуются исключительной динамикой человеческого сознания и творчества. За этой динамикой трудно уследить. И дело не только в том, что все виды технического прогресса ускорили темп жизни, колоссально раздвинули рамки зрительных и всяких других впечатлений, художественных восприятий и т. д. Дело главным образом в том, что с начала века в теоретическом мышлении произошел сдвиг, началась дематериализация мира, сначала — в области высшей математики, а затем и в более мелких планах. Дематериализация мира сказалась, между прочим, в колоссальном развитии творческой фантазии, художественная иллюзорность приобрела новые формы. Развитие

кино соединило динамику и иллюзию в один комплекс. Колоссальное увеличение скоростей, в последнее время, космические полеты, перевернули все представления о расстояниях. Получение за единицу времени невероятного (по старым меркам) количества самых разнообразных впечатлений колоссально воздействует на сознание, динамизируя его, иллюзорность и субъективизм постоянно идут рядом. Кажется, что в мире нет ничего постоянного, все находится в движении. Абстрактное мышление получает огромное развитие и значение. Алгебраическая формула может показаться единственной постоянной вехой в динамизированном мире.

Благодаря всему этому наше мышление стало разнообразней, легче, острее, утонченней, образней. Не удивительно ли при этом, что сам человек в этом многообразии как бы теряется, что человеку подчас трудно себя в этой стремительной динамике осмыслить, или даже просто, вынести ее огромное давление? Под влиянием движущихся, сталкивающихся явлений, факторов, впечатлений, на пересечении которых осознает себя сегодня человек, сама личность как будто готова распадаться, разлететься на составные части. Отсюда частый в наше время распад, кризис личности. Абстрагирующий динамизм, рефлектирующий психологизм двадцатого века приводят к тому, что личность начинают воспринимать лишь как лучок ощущений, ничем между собой не связанных. Двадцатый век, между прочим, век анализа. Ценности, принятые от других эпох, двадцатый век хочет заново осмыслить, заново обосновать и понять. Кризис даже в самом понимании личности — явление вполне объяснимое и естественное в общем контексте двадцатого века. Двадцатый век словно заново осмыслил тот естественный и бесспорный факт, что личность не дается нам в качестве неподвижной, заранее гарантированной данности. Человек при рождении получает пучок потенциальных возможностей, ощущений и т. д. Человек может и должен из этого пучка личность создать. Иначе он так и останется пучком ощущений, не превратится в личность. Духовная же сущность, заложенная в человеке, является залогом того, что при наличии целеустремленной воли, человек свою личность обретет. Таким образом, творчество в широком смысле начинается с создания личности. Это для себя может сделать только сам человек. Возможности для этого даны ему Богом, но работать он должен сам. Личность — чуткий инструмент, от которого зависит построение окружающего мира. Если личность будет загрязнена, искажена, исказится и загрязнится весь мир, весь космос, все мироздание. Если же мы ответственно создаем свою собственную личность, мы тем

самым творим мир вокруг себя, становимся участниками космического строительства.

Хорошо и важно то, что двадцатый век не перегружен принятой на веру статичностью, материалистической тяжестью девятнадцатого века. Двадцатый век, поскольку он может быть преломлен сквозь чистое, ответственное сознание, свободное от материалистических предвзятостей, оказывается ближе религиозному сознанию, чем тяжело-весный, статический, в основе своей — компромиссный — девятнадцатый. Но ответственность лежит на личности, ведь именно сквозь личность преломляется внешняя реальность, без личности никакая реальность попросту невозможна. Личность придает внешней реальности форму, заряжает ее смыслом, превращает хаос в космос. Безусловно, строительство личности — вещь не легкая, как и всякое творчество. Как часто, именно в наше время, человек отступает именно перед этой трудностью. А ведь, здесь приходится выбирать между целеустремленной работой, в результате которой нам открывается мир как целеустремленное целое, полное внутреннего содержания и конструктивной оформленности, и пассивным существованием, лишенным всякого смысла, в результате которого мир превращается в хаотическое нагромождение бессмыслиц. Поэтому, уже одно стремление к активности и одно эстетическое чувство должно стать для нас залогом личности и формы. Конструктивно оформленная и чистая человеческая личность воспринимает двадцатый век во всей чистоте и одухотворенной динамике. Те явления разложения, кризиса и тупика, которыми двадцатый век сопровождается, есть, в конечном счете, результат безволия, недисциплинированности, безответственности, ущербности (вольной или невольной) отдельных индивидуумов.

Творчески организованная личность в двадцатом веке имеет возможность воспринимать мир углубленнее, острее, чем когда-либо. Двадцатый век, как было уже сказано выше, располагает огромным наследием прошлого, которое может и должно быть переосмыслено с точки зрения того динамизма и драматизма, той абстрагирующей и одновременно тонко психологизирующей мысли, которая для двадцатого века характерна. Мало того. Двадцатый век на вершинах своего научного постижения метафизичен. Мы должны осознать это и делать из этого соответствующие выводы в повседневной работе над собой. Все это вместе взятое дает нам огромные возможности, дает и направление для целеустремленной работы. Научная методология для самых разнообразных областей разработана сейчас лучше, чем когда-либо. Шкала психологических переживаний богаче, тоньше, разнообразнее. Несколько тысячелетий культуры, наследником которых является

двадцатый век, не прошли ведь даром. Не для того создавалась культура, чтобы, в конце концов, отказаться от нее во имя всеобъемлющего скепсиса. Явления скепсиса в двадцатом веке — вещь естественная, но скепсис не может и не должен подменять собой все содержание культуры. Двадцатый век несет в себе предпосылки для огромного расцвета всех областей искусства именно потому, что человеческое сознание сейчас тоньше, развитее, пронзительнее, чем прежде. Много в искусстве уже сделано. Прокофьев в музыке, Пастернак в поэзии, последний нобелевский лауреат Солженицын в прозе, ряд интереснейших явлений западной литературы (Вирджиния Вулф, Т. С. Элиот, Эзра Паунд и многие другие). Мы уже можем сейчас оценить эти явления со всей необходимой объективностью. М. Булгаков и М. Пришвин, мало оцененные при жизни, посмертно выдвинулись в ряд первоклассных имен. На наших глазах возникают все новые и новые имена. Возникают благодаря воле целеустремления, тонкости сознания.

Творческая работа человека над самим собой приобретает сейчас особое значение. Распадение личности может свести на нет огромные потенциальные возможности современной культуры. Дисциплина личности требует век, координат, ценностей, по отношению к которым личность себя осознает, воспитывает. Эти координаты должны по отношению ко всеобщей динамике обладать постоянством, абсолютностью, иначе сама динамика потеряет всякий смысл, она перестанет существовать, так как исчезнет возможность сравнения. Надежнейшей из постоянных координат является религиозная вера. Сейчас много говорится о том, что люди утрачивают способность веры, но ведь с верой происходит то же самое, что с личностью при распаде — вера требует активности, пассивность сознания убивает веру, вера ведь не дается сама собой. Для настоящей религиозной веры, а не для подделок под нее сейчас атмосфера более подходящая, чем когда-либо. Требуется, может быть, несколько больше активности, чем прежде. Человеческая личность необходима, чтобы был воспринят мир во всей своей полноте. Божественная Сверхличность этот мир создает. Вне Бога и человека мира не существует вообще и, хотя иногда очень трудно, многим кажется невозможно поверить в законченную разумную конструктивность мира, здоровая воля к существованию, в противоположность безвольному, аморфному самоуничтожению есть единственный выход из того тупика, в котором мы себя иногда ощущаем. Нужно помнить, что объективные данности двадцатого века в кризисе человеческого сознания не виновны, все дело — в человеческой воле, в самом человеке.

Х. КЛААС

Построим новый мир

Человек по своей природе — существо общественное и в то же время — индивидуальная личность. Он рождается и живет как в связи с другими людьми, так и со всей вселенной. Особенно тесно мы связаны с нашими родителями и предками, с нашими воспитателями и учителями, с соседями и товарищами по работе и развлечениям, а также с согражданами своей страны, с которыми нас соединяет вся история, и с другой стороны с единоверцами или людьми одного с нами мировоззрения.

Наряду с социальным и личным измерением нашей жизни многие философы распознают и третье измерение: основную связь с Богом.

Но для того, чтобы выработать мораль, достаточно обновляться на социальной и личной природе человека, потому что мораль имеет своим предметом нравственные

отношения между людьми, а также между личностью и обществом. Конечно, если мы с помощью стереоскопа рассматриваем пейзаж, мы увидим его глубину гораздо лучше, чем с помощью простого бинокля. Так, глядя на мир через призму христианства, можно гораздо яснее различить и понять глубину моральной жизни. Но это не умаляет заслуг других моралистов, занимающихся проблемами этики.

В сущности все люди равны, но они различаются друг от друга вторичными признаками: полом, возрастом, цветом кожи, национальностью, мировоззрением, характером, умственными способностями, образованием, характером работы, положением в обществе, размером собственности, которой они владеют. В социальном плане нужно уважать

Рецензии

Разъяснение

О «ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ» и о «ФИЛОСОФСКОЙ ТЕТРАДИ»

Пользуясь любезным разрешением редакции «ЗАРУБЕЖЬЯ» дать некоторые разъяснения по поводу выше-названных двух моих вещей (помещенных в одной книге, что, к сожалению, послужило причиной для объединения их в одну в объявлениях книжных магазинов), я отвечаю одновременно на рецензию доктора философии В. Пирожковой, помещенную в номере 1 (25) «Зарубежья» за 1970 г.

I

ПСИХИЧЕСКАЯ ЭНЕРГИЯ — это отчасти философский, отчасти научно-популярный этюд, посвященный рассмотрению вопроса о реальном существовании космической психической энергии.

Пирожкова права, когда отмечает неудовлетворительность термина «психическая энергия», так как «трудно согласиться со сведением духовного исключительно на психическое». Совершенно верно. Однако подходящего слова, которое охватывало бы и духовные, и психические, и даже витальные явления, пока не существует. Поэтому пришлось остановиться на слове «психическая» (расширив условно его значение), как на наиболее признанном из этих трех в современной науке. Само собой разумеется, такое понятие о психической энергии неизмеримо шире и фрейдовского либидо, и вообще всякого понятия о психике людей или животных.

Я надеюсь, что эту условность читатели мне простят, вспомнив, что перед тою же трудностью стоял и Бергсон. У Бергсона, к которому, мне кажется, мое расширенное понятие психической энергии ближе всего, есть строчки определенно указывающие на то, что и ему не хватало нужного слова:

«Это исследуя как можно ближе факты биологии, мы пришли к представлению о жизненном порыве и творческой эволюции... эта концепция не имела ничего общего с гипотезами, на которых основываются метафизики; это была конденсация фактов, вывод из выводов. Но теперь: откуда приходит порыв, и каков был его принцип? Если он был самодостаточен, то что же такое он сам и какой смысл надо дать всей общности его проявлений? На этот вопрос рассмотренные факты не приносили никакого ответа; но хорошо виделось направление, откуда ответ

мог прийти. Энергия, вложенная в материю (*lancée à travers la matière*), предстала перед нами как под-сознательная или надсознательная, во всяком случае того же рода, что и сознание».

Бергсон, Два источника морали и религии, издание 88-е, стр. 264.

Как бы ни был ничтожен мой труд, несравнимый по ценности с трудами Бергсона, но в ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ я следую его методу: основываюсь на научных сведениях, только не биологии, а электроники, для того, чтобы показать, что теперь даже официальная наука стоит перед открытиями, приближающими ее к признанию мировой энергии «того же рода, что и сознание».

Так объясняется слишком большим многообразием проявлений ЭНЕРГИИ то, что я не употребляю слова «духовная». Во-первых, не хочется сводить понятие духа к явлениям и низшего порядка, а во-вторых, в этюде, не опирающемся ни на мистику, ни на откровения, нельзя ставить во главу угла слово, носящее метафизический оттенок... Что, конечно, не значит, что я метафизику и Откровение отрицаю.

Дальше в рецензии стоит:

«Неясно также, какого понятия о Боге придерживается сам автор, пантеистического или признания Бога как Творца, личного Бога. Иными словами, является ли по мнению автора вселенная творением Бога или же она сама — Бог».

Исследование вопроса о существовании загадочной энергии «того же рода, что и сознание» (повторяя бергсоновское определение), не должно включать и мою исповедь. Однако Пирожкова права, желая ясности в выводах, которые можно сделать из моей работы. Такой «вывод из выводов» в «Психической энергии» есть — это признание Личного Бога Творца, как источника всех энергий и законов движения и жизни.

Между тем верно, что я не провожу точного разделения между Вселенной и Богом. Дело в том, что только Откровение может давать какие-то определенные ответы на этот вопрос. Автор же, желающий в данной работе опираться только на разум (зная, как отличаются друг от друга откровения в разных религиях), имеет право утверждать всего лишь, что источником всего существующего может быть только живой, чувствующий и мыслящий Творец.

А является ли этим Творцом и Личностью сама одухотворенная Вселенная, или Вселенная есть просто (!) творение еще высшего Бога, или Его порождение, или Его атрибут, или объективация Его эманации, или каким-то образом один из Его аспектов, — я этого не знаю и знать не могу. И

сильно сомневаюсь, что это может знать кто-либо другой. За исключением людей, опирающихся на религиозные догмы.

Говорить, что Вселенная обладает или пронизана психической энергией, не такая уж большая новость и дерзость. Вспомним Духовный Принцип древних, Энтелехию Аристотеля, Психею некоторых философов последних веков, Жизненную Силу других, Душу Мира третьих, Мировую Волю четвертых, Мировой Разум Эйнштейна и т. д., и т. д.

Дальнейшее замечание Пирожковой, что от решения этого вопроса (от отношения автора к Богу и Вселенной) зависит и отношение Болита ко времени и пространству, я считаю неправильным. Я не вывожу свое представление о бесконечном пространстве и вечности Вселенной, как заключение из того, что они атрибуты Бога-Вселенной, и, как таковые, абсолютны. Нет, к проблеме времени и пространства я подхожу с чисто научной точки зрения, или, вернее и скромнее, с точки зрения здравого смысла, отчасти опирающегося на науку. Потому что нетенденциозная наука не может об этой проблеме утверждать ничего, кроме того, что она не видит конца ни времени, ни пространству.

Кроме того, очень спорно само утверждение что: — «если вселенная творение, а тем самым не абсолютна и не бесконечна, также и не вечна, то и ее атрибуты, пространство и время, не абсолютны и не бесконечны».

Отметая слово «абсолютны», которое я, вообще, избегаю, я могу ответить, что творения Бога могут быть и вечны и бесконечны. Это мнение разделяют многие. Возьмем Джордано Бруно, которого я цитирую в конце главы «От физики к философии»:

«Только на словах можно отрицать бесконечное пространство, только на словах его отрицают упрямые умы, которые заявляют, что Пустоту мы не можем себе представить... Если правильно, что наш Мир существует, то не менее правильно, что есть другие Миры, огромное множество Миров...»

... Бесконечный Творец был бы несовершенным, если бы творение не было пропорционально его могуществу. Разум и деятельность Бога неукословно требуют веры в бесконечность его творения».

Дж. Бруно. «De Revolutionibus Orbium Coelestium».

Но можно и не ссылаться на философские авторитеты, так же и религия учит о вечной жизни за гробом, о вечном аде и рае, о вечной человеческой душе. Да и почему бы в самом деле Всесильный Бог не мог бы создавать и вечных творений? Я думаю, что Бруно и Пирожкова, выра-

жая противоположные взгляды, слишком категоричны.

Что касается замечания Пирожковой, что Болит не исполнил своего обещания написать еще о пространстве, то тут она полностью права. Это моя оплошность: надо было найти и вычеркнуть эту фразу, когда выяснилось, что у меня не хватает денег на печатание, и пришлось выбросить три главы, не обязательные для развития моей основной темы. Между ними одна была о пространстве и времени.

Кроме трех-четырех опечаток, есть еще одна важная ошибка в «Психической энергии»: последняя глава должна называться не «Несколько аргументов...», а **«ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО АРГУМЕНТОВ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ»**, так как этой аргументации посвящена и вся остальная книга.

Наконец, последний вопрос в рецензии: расходимся ли мы, говоря об индетерминизме, только терминологически или и по существу?

Думаю, что терминологически; причем за терминологию эту я вовсе не стою. Приведу две выдержки из «Психической энергии»:

«Мы считаем, что никакого „индетерминизма“ нет и никогда не было, и слово это вносит в философию только путаницу. Все имеет причину, вернее, причины, и вопрос надо ставить не о возможности беспричинности (индетерминизма), а о том, какова эта причина».

«... И само наше „я“, то есть психо-физическое целое, тоже образовалось благодаря множеству физических и психических причин. Но оно есть, и оно действует. Это не просто проводник внешних раздражений через „рефлекторные дуги“. Это активное целое со свойственной ему волей».

Надо только помнить, что в мое условно расширенное понятие психического входит и то, что называется духовным. И тогда, мне кажется, исчезает нужда в полемике на сложнейшую тему о свободе воли, которая в моей книге затронута мимоходом.

II

«ФИЛОСОФСКАЯ ТЕТРАДЬ» — это название, которое дал своему дневнику советский искатель истины. Воспитанный в духе марксизма-ленинизма-сталинизма, он верит в научность диалектического материализма и в свою партию. Но по природе своей он способен думать самостоятельно и глубоко. Политикой он интересуется мало. Его занимает другая проблема: он не потерял окончательно веру в Бога и пишет в тайном дневнике свои возражения против атеизма.

Будучи убежден в научности диалектического материализма, он осно-

вывает свои рассуждения на трех его догмах: 1) — вечности и бесконечности Вселенной, 2) — знаменитом «Количество переходит в качество», и 3) — не менее известном «Прогресс есть результат борьбы противоположностей».

Ему видится Вселенная как некое безграничное и вечное Целое, в котором идет непрерывное движение материи. В ней рождаются, развиваются и гибнут бесчисленные миры, но сама она представляет из себя никогда не умирающую, непостижимо совершенную организацию... На фоне бесконечности Вселенной идут «столкновения противоположностей», рождающие всё новые и всё более сложные формы, и неизмеримые количества переходят во все более высокие качества!... Но какие качества самые высокие? Какие организации можно назвать высшими? — Конечно, те, в которых материя одухотворяется, те которые живут и мыслят. Отсюда следует, что Вселенная должна порождать множество живых существ, находящихся не только на низших ступенях развития, чем человек, но и на гораздо высших, то есть — по сравнению с нами — могущественных богов. Но и сама Вселенная не может быть не одухотворена: иначе она была бы качественно ниже, чем ее творения.

«Философская тетрадь» содержит еще много исканий и самокритики моего коммуниста, которого, очень прошу читателей, не отождествлять со мной. К своей тетради он присоединяет воспоминания о русской революции старика француза, с которым он сдружился во Франции. При своем спешном отъезде в СССР всю тетрадь он оставляет ему.

Плывя против течения и не спрашивая ничьих советов, я разбрасываю по всей книге критические замечания о коммунистической идеологии и потому, что считаю их верными и нужными, и потому, что просто «не могу молчать». Что мне за дело до педантического правила не «путать вместе» науку, философию и политику!

Болит.

Rußlands Aufbruch ins 20. Jahrhundert.

Tatsachen und Legenden. (Россия на переломе — факты и легенды). Herausgegeben von George Katkov, Erwin Oberländer, Nikolaus Poppe und Georg von Rauch im Walter-Verlag, 1970, 347 S.

Объективное изложение истории России последних десятилетий перед революцией 1917 г. трудно найти. Советская историография создала легенду, конечно, негативную, чтобы задним числом оправдать захват власти большевиками заговорщиками. Этой легенде верят многие. В Советском Союзе на ней воспитали несколько поколений и даже те, кто

очень критически или прямо отрицательно относится к советскому режиму, нередко верят негативным легендам о прошлом России и очень плохо знают ее историю.

Также и на Западе широко распространены эти негативные легенды. Кое-что просочилось из советской историографии, кое-что явилось просто результатом незаинтересованности и неосведомленности иностранных авторов в отношении России. Ряд известных историков предпринял важное дело: восстановить объективную истину о недавнем прошлом России. Результатом явилась предлагаемая вниманию читателя книга, переведенная также на английский язык.

Сборник содержит следующие статьи:

Георгий Катов и Михаил Фатрель, Внешняя политика России в 1880—1914 г.;

Лотар Шульц, Конституционное право в России;

Эрвин Оберлендер, Роль политических партий;

Карл П. Тальгейм, Хозяйственное развитие России;

Гарри Т. Вилетс, Аграрный вопрос; Николай Поппе, Хозяйственное и культурное развитие Сибири;

Виолета Конолли, Национальный вопрос в царской России;

Ганс Бреккер, Мусульманское движение обновления в России;

Герхард Симон, Церковь, государство и общество.

Цель этого сборника ясно обрисована в предисловии к книге, которое мы приводим в переводе на русский язык.

«Истории удавшихся революций пишутся победителями. И не только история самой революции, но и эпохи, ей непосредственно предшествующей, которая должна быть изображена как закономерная предпосылка революции. Советская историография именно так и понимала время правления Николая II (1894—1917). Мы не утверждаем, что советская историография ничего не сделала для понимания этой эпохи в том или ином аспекте, особенно ценны были публикации источников по внешней и социальной политике. Но все советские исследования исходят из предвзятого тезиса, что «Октябрьская революция являлась закономерным результатом всего социально-экономического и политического развития страны, закономерным результатом неумолимой работы и борьбы созданной и руководимой Лениным коммунистической партии». Этими словами 12-томная «История СССР» подводит итог периоду, предшествовавшему Октябрьской революции. Достаточно бросить взгляд на бесчисленные публикации к 100-летию со дня рождения Ленина (22 апреля 1970 г.). В них Ленин рисуется не только величайшим вождем пролетариата, но и единственным возможным спасителем России.

Эта историография характеризует ся тем, что она замалчивает или искажает все, что не подходит под утверждение о неизбежности Октябрьской революции, и в то же время сильно преувеличивает действительные или только кажущиеся аргументы в пользу этого тезиса. В результате возникает легенда. В центре находятся Ленин и большевики, их партия представляется в виде единственной последовательно стремившейся к неизбежной победе. Из этого следует, что все другие русские партии, в том числе и левые, которые вплоть до выборов в Учредительное Собрание играли гораздо большую роль, чем большевики, обозначаются как мелкобуржуазные и реакционные, их роль сводится на нет. Важные новые течения в области философии, педагогики и литературы, которые были чужды интерпретированному Лениным марксизму или же противостояли ему, считаются декадентским проявлением разлагающегося общества. Также и хозяйственные реформы, например аграрная реформа П. А. Столыпина, отражаются в советском зеркале и виде анахронизма, обреченного на неудачу, прежде чем было положено начало проведению реформы в жизнь.

Одностороннее изложение советской историографии отразилось и на представлениях об этой эпохе историков, живущих вне Советского Союза. Было бы, конечно, негравильно противопоставлять этому односторонне отрицательному описанию столь же одностороннее, но положительное изображение. Для более глубокого понимания этого времени такое предприятие не дало бы ничего. Часто дискутируемый вопрос, пережила ли Россия между 1900 и 1914 гг. «Серебряный век», который мог бы вызвать самые радужные надежды, если бы война не положила ему конец, очень интересен, но носит теоретический характер.

Предлагаемая книга не занимается ни деталями возникновения советских легенд, ни перспективами «Серебряного века». Цель ее дать заин-

тересованным людям научно обоснованный обзор этого важного периода русской истории. Успехом этой книги было бы, если бы ей удалось показать, что Россия Николая II находилась в состоянии сложного перехода, затрудненного запоздалыми и лишь частичными реформами, но ни в коем случае не детерминированного в смысле большевицкого будущего. Было бы хорошо, если бы этот сборник побудил историков заняться дальнейшими исследованиями этой эпохи. Их результаты могли бы быть опубликованы в новом сборнике».

Мы присоединяемся к пожеланиям, высказанным в предисловии, и желаем книге как можно больше читателей.

В. П.

РУССКИЙ ТЕАТР ДЛЯ ДЕТЕЙ

РТДД — это одна из форм работы дружины ОРЮР в Буэнос-Айресе. 31 октября состоялся очередной спектакль — 4-актовая русская народная сказка «Снегурочка» в обработке, постановке и музыкальном оформлении Г. Лукина, декорациях художника И. Шмитова и хореографии Н. Книрша. В постановке участвовало 46 юных артистов под руководством и с помощью 18 взрослых.

Зал на Риоамба 650 был полон старыми и молодыми зрителями, которых собралось около 700. Первые три ряда были отведены для школьников субботней школы ОРЮР и русско-аргентинской школы по самым дешевым ценам — по 100 песо. Проживающие в старческих домах и неимущие получали в канцелярии ОРЮР бесплатные билеты — пример, достойный подражания. Посетители же платили за места от 500 до 1000 песо (дети от 200 до 500).

Над световыми эффектами много потрудились Э. Зайковский и А. Книрша. В спектакле широко применялись диалогитивы, заменявшие в некоторых случаях декорации. Так же широко были использованы звуковые эффекты, записанные на магнитофонную

ленту. С музыкальным оформлением блестяще справилась Е. Ларионова.

Начало 1-го акта исполнялось на авансцене. На фоне осеннего леса танцует Осень — Н. Книрша. Потом появляется Мороз — Н. Лукин и фон превращается в зимний лес с сугробами снега. Белый занавес, служивший фоном для проекции диапозитивов, поднимается, и на сцене вдали видно село Берендеевка. На сцене 38 человек — Снегурочка — В. Белецкая, лесные звери, ряженые и т. д.

Во втором акте Бобиль — А. Баумгартен и Бобылиха — В. Альбрехт берут снегурочку к себе как дочь и она играет и поет с соседскими девушками. На сцене появляется медведица, которая нападает на царевича — С. Мамонтова. Царевич ранен, а за ним ухаживает Снегурочка. Потом приходит Царь — М. Баумгартен со свитой и просит руки Снегурочки, но Мороз замораживает сердце Снегурочки.

Лучшие сцены были в третьем акте. На авансцене пляшут ведьмы. Белый занавес, на котором нарисовано старое сломанное дерево, освещен сзади синим светом. Появляется луна. На глазах у публики старые ведьмы превращаются в молодых красивых девушек. Они дают Царевичу ожерелье, деревянную руку, шаль и факел для борьбы с Морозом за сердце Снегурочки. Поднимается занавес, и открывается царство Мороза. На Царевича налетают Ворон и Метель — облако снега. Царевич всех побеждает и освобождает Снегурочку.

Четвертый акт — финал. Появляется Солнце-Ярило. Снегурочке становится плохо от солнечных лучей, но Царевич вовремя приходит с «живой водой». Наступает «хэппи энд» и апофеоз (музыка из «Снегурочки» Римского-Корсакова).

Постановка «Снегурочки» в РТДД — это своего рода отчет перед русской общественностью Буэнос-Айреса, Аргентины и вообще перед всею Зарубежною Русью о работе ОРЮР на Дальнем Юге, вдали от России и эмигрантских центров.

Разведческое Пресс-Бюро

РУССКИЕ В АМЕРКЕ

Журнал «Родные Дали», выходящий в Лос-Анжелесе (США), опубликовал в № 212 за ноябрь 1971 г. некоторые, касающиеся всех нас, данные переписи населения США в 1970 году. Эта информация настолько интересна и неожиданна, что редакция «Зарубежья» сочла нужным опубликовать ее в несколько сокращенном виде.

Нижеприведенные данные касаются семи главных этнических групп в США (около 75 млн):

Немцев	19 961	тыс.
Англичан	10 060	„
Ирландцев	13 282	„
Испанцев	9 230	„
Итальянцев	7 239	„
Поляков	4 021	„
Русских	2 152	„

В данном случае это чисто русские люди: украинцы, белорусы, балтийские и другие народы России сосчитаны отдельно. Русские составляют, таким образом, незначительный процент населения Америки (около 1%).

Теперь посмотрим, чем же замечателен этот процент. В возрастном отношении эта группа людей самая старая: Средний возраст (лет):

Русские	45,8
Поляки	39,8
Ирландцы	36,7
Итальянцы	36,1
Англичане	35,7
Немцы	35,5
Испанцы	19,9
Все население США	28,0

Как известно, динамизм американской жизни требует людей молодых и сильных, поэтому стареющему русскому

значительно труднее завоевать себе более важное положение с лучшим заработком.

Какое же положение русские занимают в отделе статистики по образованию, занятиям и заработкам?

Для людей 25 лет и старше:

	% окончивших средн. школу	% окончивших высш. уч. зав.	Время учения (лет)
Русские	69	23	12,6
Англичане	60	14	12,3
Немцы	58	11	12,2
Ирландцы	55	10	12,2
Поляки	51	9	12,0
Итальянцы	46	7	11,3
Испанцы	34	5	9,3
Все население США	55	11	12,2

Как видно из этих цифр, русские — самая образованная этническая группа в Америке.

Далее приведена таблица распределения населения — мужчин от 16 лет и старше — по занятиям, из которых видно, что среди русских самый малый процент рабочих, прислуги и земледельцев и самый большой — интеллигентных профессий:

**
*

Деятельность Центральной инициативной группы по созыву конгресса русских американцев продолжается с успехом. Так, 27 апреля в Нью-Йорке состоялось очередное заседание правления Центральной инициативной группы. Правление заслушало доклад председателя проф. Е. А. Александрова и приняло ряд решений. В связи с поездкой президента США Никсона в Москву для переговоров, правление составило меморандум и направило его своему представителю в Вашингтоне для передачи президенту.

18 мая меморандум был вручен президенту. Говоря от имени почти двух миллионов американцев русско-го происхождения, инициативная группа обратилась к президенту с просьбой не забыть во время его пребывания в Москве о «молчаливом большинстве», то есть о советских людях. В состав делегации входили П. Будзилович, второй заместитель председателя ЦИГ, глава делегации; Кирилл Дурново, предс. Нью-Йоркского отдела; Ю. Мейер, предст. Вашингтонского отдела; Ю. Никвиц, предст. отдела в Вирджинии; К. Присекин, предст. Мэрилендского отдела. Делегация была принята советником Президента по делам меньшинств. Беседа продолжалась 40 минут.

С расширением деятельности Центральной инициативной группы увеличился и объем работы членов правления. Учтивая это, правление постановило избрать двух заместителей председателя. Первым заместителем избран проф. Б. А. Константиновский, вторым — П. Н. Будзилович. Для облегчения деятельности отдельных лиц в различных штатах правление решило создать институт уполномоченных инициативной группы по созданию местных отделов. Инициативная группа обратилась к рус-

	Проф.-техн. и др. интел. должн.	Рабочие	Домашн. трислуга	Земле- дельцы
Русские	77,9	20,0	1,0	0,3
Англичане	46,8	42,6	5,0	5,6
Поляки	44,7	50,1	3,1	2,1
Ирландцы	44,4	44,8	6,0	4,6
Итальянцы	42,7	49,1	7,5	0,6
Немцы	42,1	44,8	4,7	8,3
Испанцы	25,3	58,8	10,5	5,4

Средний годовой заработок семьи (долларов в 1968 г.)

Русские	11 554
Поляки	8 849
Итальянцы	8 808
Немцы	8 607
Англичане	8 324
Ирландцы	8 127
Испанцы*)	5 641
Все население США	8 632

Итак, русские числятся на первом месте по образованию, доходам и положению. Они вправе гордиться положением, занимаемым ими в стране.

А. Долгополов

*) В число испанцев включены южные американцы, говорящие по-испански: мексиканцы, порториканцы, кубинцы и др.

ским американцам с воззванием, начинающимся следующими словами: «Сознавая, что население США состоит из многих этнических групп, американская общественность и правительство уделяют все больше и больше внимания сохранению и поддержке их культурных и духовных ценностей и традиций. Таким образом, в настоящий момент все этнические группы США имеют официальные представительства... за исключением русских американцев».

Адрес Центральной инициативной группы: Ad Hoc Committee of Russian-Americans, P. O. Box 224, Cooper Station, New York, N. Y. 10003.

ФОНД СВОБОДНОЙ РОССИИ

Центр «Фонда Свободной России» во Франкфурте (ФРГ) публикует баланс текущих средств за 1970/71 год (в швейцарских франках) и нижеследующее обращение:

Остаток на 1. I. 1970 г.	8.416,02
Поступило:	
на радио «Своб. Россия»	10.760,25
на помощь верующим	10.000,00
общие пожертвования	41.197,39
самообложения	9.040,30
продажа художественных изданий, значков и пр.	3.862,91
Всего:	83.276,87

Выдано:	
на работу радио «Свободная Россия»	9.000,00
верующим и семьям заключенных	13.000,00
переведено в капитал ФСР	30.000,00
расходы почтовые, канцелярские, транспортные	12.886,12
оплата сотрудников (частичная)	6.284,94
производство художественных изданий, значков и пр.	2.887,10
Всего выдано	74.058,16
Остаток на 1. I. 1971 г.	9.218,71

Борьба за гражданские и политические права в России продолжается и требует больших средств. Приведенный выше отчет показывает, что деятельность ФСР, к сожалению, очень скромна. Нам еще не удалось привлечь широкие круги россиян, проживающих в свободных странах. Нам, в разное время выехавших из России, а также родившихся вне России, но ощущающих с нею духовную связь — миллионы. Большинство материально вполне обеспечено. Это позволяет собирать большие средства на важные и нужные цели, как, например, на издание книг, воспитание детей, постройку храмов. Но в Россию, откуда мы все вышли и с которой нас продолжают связывать тысячи невидимых нитей, — идет мало. Мы не ощущаем, что материальная жертва нужна и осмысленна. Через жертву мы создаем невидимую, но абсолютно реальную, нашу индивидуальную связь с Россией. Лояльность новой родине вполне совместима с сохранением языка, веры своих предков. Кстати, в таком положении и некоторые другие народы: поляки, китайцы, евреи, армяне, литовцы. В таком взаимном проникновении народов следует видеть и глубокий положительный смысл. Несмотря на идеологический и национальный фанатизм, человечество развивается по пути большего единения, большей солидарности, большего мира. Следовательно, живя среди других народов, знакомя их с нашей культурой, верой, мы выполняем какой-то высший замысел, сами этого подчас не сознавая и до конца не понимая.

Пожертвования и корреспонденцию следует направлять по адресу:
Zalewsky, Freies-Russland-Fond
D-6000 Frankfurt/M 18, Postfach 180451

Х Р О Н И К А

ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

• В церкви св. Георгия в Бостоне (США) состоялся концерт Византийско-русского хора под управлением И. Ф. Студенцова.

• 4 июня в Мюнхене (ФРГ) состоялся концерт, отметивший пятилетнюю деятельность группы «Феникс». Программа состояла, главным образом, из народного творчества при участии Г. Александровой, Б. Боровицы, В. Веймана-Миорелли, Л. Доро, З. Репниковой и М. Скворцова. Из участников надо выделить талантливого баритона-гитариста В. Веймана (гость из Рима), недавно приехавшего из Советского Союза, Б. Боровицу, концертмейстера государственного театра оперы и оперетты, исполнившего, помимо других вещей, Фантазию № 2 руководителя группы Н. Доро. Впервые на концерте группы «Феникс» выступил замечательный балалаечник М. Скворцов. Меццо-сопрано Л. Доро спела две русских песни и романс Н. Доро. З. Репникова, наряду с другими романсами и народными песнями, исполнила романс Доро.

• 23 апреля в Русском доме в Мельбурне (Австралия) проведен концерт Ольги Самсон, тепло встреченный мельбурнской публикой. Умелое исполнение русских романсов и народных песен имело большой успех. В концерте приняли участие молодая итальянская аккордионистка и исполнитель песен своей родины талантливый итальянский певец. Русская балерина Нина Недзвецкая прекрасно исполнила балет «Старинный вальс». Г-жа Винокурова как всегда талантливо провела конференс.

• В Сан-Франциско с успехом прошел концерт Литфонда. Перед началом концерта председатель отделения Литфонда проф. А. Ф. Лебедев сказал несколько слов о той помощи, которую оказывает главное правление Литфонда писателям, ученым и художникам в эмиграции.

• Синодальный хор под управлением Б. М. Ледковского примет участие в международном фестивале музыки в Израиле в августе с. г. Кроме концертов предусмотрено также участие хора в богослужениях в храмах Иерусалима.

• 10 февраля Общество ревнителей православного церковного пения организовало празднование 125-летия со дня рождения композитора А. А. Архангельского. Доклад о творчестве юбиляра был прочитан М. Е. Ковалевским. 5 парижских православных хором, под управлением Г. Григорьевой, Е. Евеца, Н. Осоргина, Л. Раппопорт и С. Спасского исполнили 15 песнопений этого популярного русского церковного композитора. Следует подчеркнуть, что большая часть хоровой программы состояла из песнопений, редко исполняемых хорами, как, напр., «Да исправится», знаменные про-

кимны в обработке А. Архангельского, «Гласом моим ко Господу возвах», «Воскресение Христово видевше»..., «О, Всепетая Мати», «Взбранной Воеводе» и др., что произвело очень выгодное впечатление на многочисленную аудиторию.

• По предложению парижской концертной организации, «Mai de Versailles», хор Музыкального Ансамбля русской молодежи в Париже дал духовный концерт в рамках текущего музыкального сезона этой организации. Концерт состоялся 5 июня, под. упр. Е. И. Евеца, в Королевской церкви Версальского дворца; исполнителей 51 чел.; солисты и канонархи — протоиерей Парижского кафедрального собора о. Михаил Стороженко, Маша Ребиндер, Маша и Ирина Евец. Это было 56-е выступление Молодежного хора и одновременно — выступление, завершающее десятилетнюю работу всего Музыкального Ансамбля русской молодежи во Франции. В связи с исполнившимся 10-летием Ансамбля, 9 июня был организован юбилейный ужин на 85 персон, в одном из парижских ресторанов, на котором после вступительного слова руководителя ансамбля Е. И. Евеца присутствующие представители русского православного духовенства и русские общественные деятели, произнося поздравительные слова и благопожелания на будущее десятилетие, подчеркнули между прочим приятный факт, что хор Ансамбля, кроме концертной деятельности, уже 4 года, как перенял на себя все хоровые церковно-певческие обязанности при православном Кафедральном соборе св. Александра Невского в Париже, каковые выполняет вполне успешно и бесперебойно по сей день.

• Балерина Светлана Березова танцует роль государыни Александры Федоровны в балете «Анастасия» в постановке Лондонского Королевского балета.

• Театр русской молодежи в Сиклиффе (США) поставил 21 мая «Горе от ума» Грибоедова. Главные роли с успехом исполнили: Николай Иванов — Фамусова, Ирина Гащурова — Софию, Елена Зезюлина — Лизу, Михаил Полчанинов — Молчалина, Юрий Красовский — Чацкого, Михаил Харитонов — Скалозуба, Елена Иодко — Наталию Дмитриевну. Декорации — Михаила Полчанинова. Костюмы по рисункам В. Гащуровой. Режиссер — Тамара Левицкая. Театр существует уже 3 года.

• Драматическая артистка и режиссер Л. Н. Васильева-Лебедева поставила силами русских актеров-любителей комедию В. Величко «Первая Муха» в театральном зале Латвийского клуба в Стратфильде (Австралия).

• 1 мая Рудольф Нуреев танцевал в паре с Марго Фонтейн на открытии се-

зона Лондонского Королевского балета в «Ромео и Джульета».

• 26 марта в Русском доме в Мельбурне драматург-режиссер Н. Н. Ключарев, прочитал свою пьесу «На чужбине». Пьеса была посвящена задачам и проблемам русской эмиграции, с которыми неизбежно встречается каждый русский, вступая на чужую землю, в основном — как сохранить свою самобытность.

• 14 мая в Монреале (Канада) в зале Св.-Николаевского Кафедрального собора выступил эстрадный рассказчик Виктор Скульский.

• На весенней художественной выставке в Гренич Виллэдж (США) участвуют следующие русские художники: Нина Збондурова — пейзажи, Евгения Эрес — пейзажи, Уолтер Эрес, сын Евгении Эрес, последователь Сезана, Маргарита Сорока — акварели, Константин Родко, Екатерина Денисон — миниатюры, Владимир Лазарев, Гладковский, Мирославченко и Е. Кричевская.

• Тарас Шумилов выставил свои картины в зале Эмпайр Сейвингс Банк в Нью-Йорке. Выставка, открытая с 29 мая по 16 июня, имела большой успех.

• В связи со столетием со дня рождения художника и театрального деятеля Сергея Павловича Дягилева в театральном музее Миланской Скалы с 11 по 26 марта состоялась выставка, посвященная этому деятелю. На выставке были показаны картины многих известных художников и рисунки Вацлава Нестинского, редкие гравюры, книги, имеющие отношение к Дягилеву и созданному им «Русскому балету», партитуры, афиши, множество документов, писем и фотографий. На открытии выставки присутствовал и Сергей Лифарь.

• В связи со столетием со дня рождения Сергея Дягилева в Нью-Йорке состоялась выставка «Дягилев и русские театральные художники». На выставке было показано более ста картин 36 художников (Борис Анисфельд, Леон Бакст, Александр Бенуа, Иван Билибин, Наталья Гончарова, Михаил Ларионов, Николай Рерих, Павел Челищев и др.). Выставка была организована Никитой Лобановым-Ростовским.

• В издательстве «Le Messager de l'A. S. E. R.» («Вестник РСХД»), 91 rue Olivier de Serres, Paris 15, можно заказать сотый номер «Вестника Русского студенческого христианского движения». В юбилейном номере 320 страниц, 30 фотографий. Цена — 20 франков.

• Выходящий в Буэнос-Айресе трехмесячник «Сеятель» отмечает в июле с. г. 40 лет своего существования. Юбилейный номер 138 выйдет в расширенном виде. На юбилейном акте выступят с докладами Н. Чоловский (издатель («Сеятеля»)) — «Старая русская эмиграция», А. Бор — «Значение печатного слова», О. Филиппова — «Новейшая эмиграция».

• Архимандрит Антоний Граббе прочел в Париже на съезде русской молодежи доклад о положении на Среднем Востоке и в Св. Земле.

• 18 июня глава Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антоний Граббе выступил с докладом в большом зале Архиерейского Синода в Нью-Йорке (США). Темы доклада: Средний Восток и Св. Земля, приезд в Св. Землю делегации Московской Патриархии с патриархом Пименом во главе, судебный процесс, начатый Миссией против советской церковной миссии, присланной советским правительством в Св. Землю в 1948 году.

• Профессор Владимир Николаевич Ильин прочитал 3 апреля в Париже лекцию на тему «Аристотель — Платон и два стиля христианства: восточный и западный».

• 27 февраля Г. А. Рар сделал в Брюсселе доклад об оппозиционных силах в Советском Союзе.

• В Американском институте славяноведения в Нью-Йорке и в 1972 году регулярно читаются лекции на темы, интересующие русскую общественность. Первая лекция была прочитана писателем Л. Д. Ржевским на тему «О страданиях и произведениях Ф. М. Достоевского».

• В связи с 45-летием научно-медицинской работы на службе у французского правительства д-р С. С. Головин награжден крестом ордена «Ordre du Mérite National».

• Поэтесса О. В. Софонова прочла в обществе «Наука и искусство» в Сиднее (Австралия) доклад «Живые родники русского языка». Докладчица хорошо разработала тему, начав с древних памятников письменности, как «Русская правда» Владимира Мономаха, «Моление Даниила Заточника» и «Слова о полку Игореве».

• В Париже в помещении Республиканского клуба состоялась Выставка русской книги. На Выставке были представлены все русские книги, выпущенные за последнее время на Западе, как на русском языке, так и в переводах на французский, английский, итальянский и испанский языки. Выставка русской книги в таком широком размахе и в таком мировом центре, каким является Париж, — большое русское дело и русское начинание, первое за все существование русской эмиграции.

• В связи с «Годом Книги» в Брюсселе по инициативе Р.Н.О. с 12 по 13 мая прошла «Русская книжная выставка». Были выставлены по возможности все издания русского Зарубежья и многочисленные экспонаты Самиздата.

• Русские сказки, русские песни для детей рассылает бесплатно во все страны мира издательство: «Books by mail», 519 Union Ave., Paterson NJ 07528 U. S. A. При заказе рекомендуется указать возраст ребенка.

• Во французском городе Ванв (Vanves, Seine) находится музей имени русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева и поэта Ивана Ивановича Новгород-Северского. Здесь хранится огромное литературное богатство этих писателей и их современников, а также редчайший эпистолярный отдел известных

писателей зарубежья: А. Амфитиатрова, Л. Андреева, К. Бальмонта, И. Бунина, Б. Зайцева, И. Куприна, Д. Гребенщигова, З. Гиппиус, Д. Мережковского, Муромцевой-Буниной, А. Ремизова, А. Л. Толстой, Н. Тэффи... — нобелевских лауреатов и других замечательных писателей Европы, как Сельма Лагерлоф, Р. Киплинг, Т. Манн, Ромен Роллан, Шатобрриан. Хранительница музея Ю. А. Кутырина, автор книги «Иван Сергеевич Шмелев» и многих статей о Шмелеве и Новгород-Северском, отвечает на запросы литературоведов. Адрес музея: 12, rue Gabrielle d'Estrees, Vanves (Seine) 92, France.

• Правление русского военно-исторического архива-музея в Париже подготавливает издание подробной описи музея.

• Швейцарский адвокат А. Солженицына д-р Фриц Хейб заявил, что писатель желает, чтобы причитающиеся ему на Западе гонорары за его произведения были употреблены на «гуманные цели на его родине».

• РНО (Брюссель) выпустило второй бюллетень на французском языке, который разослан различным учреждениям, органам печати, многим политическим и общественным деятелям, работникам науки и искусства. Этот выпуск посвящен главным образом Буквоскому. Заканчивается бюллетень призывом, который мы приводим сокращенно в переводе:

«Нормальному человеку трудно себе представить, что в XX веке, после страшной войны, которая велась как будто за прекращение тоталитарных режимов, в результате которой была 20 лет тому назад подписана Декларация Прав Человека, под лозунгом «Права Человека — основа мира на земле», могут существовать такие чудовищные нарушения этих прав... Свободный мир продолжает так называемое «мирное сосуществование», во время которого советские агенты делают на Западе все, что им угодно, а в СССР запрещают иностранным журналистам малейший контакт с советскими гражданами... Колоссальная экономическая помощь Свободного мира Советскому Союзу все время увеличивается, причем большая часть этой помощи идет на подготовку наступления СССР на этот же Свободный мир. Свободный мир сдает все свои позиции и этим готовит себе страшную участь. Но, к счастью, в этом Свободном мире еще осталось свободное общественное мнение, и к нему мы, испытавшие страшную судьбу России и не прекратившие нашей борьбы с ее поработителями, еще раз обращаемся. Подумайте о том, что нас всех ожидает, если будет продолжаться наша общая инертность. Подумайте о своих новых поколениях, которые могут испытать такое же рабство, в котором находятся русский и другие народы».

• 21 мая Библиотека национальных меньшинств имени президента Кеннеди в Нью-Йорке постановила почтить Александру Львовну Толстую, председательницу Толстовского Фонда, за ее выдающуюся общественную и благотворительную деятельность, поднеся ей бюст

покойного президента Кеннеди. Эта торжественность имела место во время банкета в одной из лучших гостиниц Нью-Йорка. Присутствующие в числе 300 лиц, при вручении бюста и после речи Александры Львовны, встали и устроили ей трогательную овацию. Среди них было несколько конгрессменов и много представителей ньюйоркского общества.

• Полковник Михаил Александрович Лютавский пожертвовал свою обширную военную библиотеку Российскому Военно-историческому Архив-музею в Паже.

• 17 марта 1972 г. исполнилось 90 лет со дня рождения одного из последних здравствующих защитников Порт-Артура, кадета Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса генерал-лейтенанта Алексея Михайловича Юзефовича.

• В связи с 300-летием со дня рождения императора Петра Великого устраивается поездка к памятнику императора в Саардаме (Голландия), где он учился кораблестроению и работал на судостроительной верфи.

• Мельбурнский отдел Союза ревнителей памяти покойного царя отметил 55-ю годовщину отречения Николая II от престола собранием, состоявшимся в зале при Св.-Покровском соборе в Мельбурне (Австралия). После литургии и панихиды по всей царской семье были прослушаны доклады З. Л. Гусаковского «Государь император Николай II и Государственная Дума» и Г. А. Чикалова «Подлинный образ царя-мученика». Художественная часть программы состояла из выступлений учениц церковно-приходской школы. Собрание было закончено пением «Вечной памяти». Организатором и руководителем собрания был Н. Ф. Охотин.

• В газете «Русская мысль» от 30. 3. 72 под инициалами И. Ч. помещен призыв к поддержке Сергиевского подворья в Париже, в котором уже много лет помещается единственный Православный Богословский институт в Западной Европе. В воззвании сказано: «Сергиевское подворье переживает очень тяжелые материальные затруднения, которые грозят его существованию, и наша обязанность ему помочь, даже если мы думаем, что такое положение создано не по нашей вине. Мы должны осознать, что сейчас, без денежной помощи, подворье и институт должны будут исчезнуть».

• В газете «Русский инвалид» № 165 за май 1972 года опубликован денежный отчет «Главного правления зарубежного союза русских военных инвалидов», который показывает, что за отчетный год с 1 сент. 1970 по 31 августа 1971 г. на помощь инвалидам израсходовано 131 994,61 фр., а на управление Союзом 25 605,94 фр., каковой расход не только покрыт чистым доходом от продажи изданий, но и получен остаток в сумме 10 516,93 фр., который прибавляется к суммам, идущим на распределение по Союзам. На двух последних страницах приводится список жертвователей.

• Русское благотворительное общество в Брисбене (Австралия) выделило при поддержке Русского клуба специальную инициативную группу по постройке Русского дома с клубными помещениями и театральным залом. В состав правления группы вошли: председатель — В. З. Мазюк, секретарь — Н. В. Волошин, казначей Л. В. Овсянников и 9 членов правления. Был разработан и принят устав новой организации «Русский Общественный центр в штате Квинсленд». В состав правления этой новой организации вошли: Председатель В. З. Мазюк, его первый заместитель П. П. Цыганов, второй заместитель В. В. Кокшаров, секретарь Н. В. Волошин, казначей Л. И. Овсянников, члены Правления А. П. Заболотный, М. Н. Кукс, Н. В. Бабий, С. М. Кривилев, А. П. Сурков, П. И. Волощенко, Н. В. Суркова, А. А. Савченко; кандидаты в члены Правления: А. Ю. Чистяков, А. Попов, Н. Богомятков, А. Н. Коломеец; ревизионная комиссия: В. И. Бабий, В. И. Костина, Г. А. Яшерев, Е. А. Попова, С. П. Волощенко. Информацию о Русском центре можно получить у председателя и секретаря устно или по телефонам: 49 1952 и 49 2335, и письменно по адресу: P. O. Box 173, East Brisbane 4169.

• По случаю открытия летнего сезона 27 мая в большом павильоне Фармы Рова в Джексона (США) состоялся концерт-бал. Вмещающий более тысячи человек зал был переполнен. В концертном отделении участвовали: 10-летняя пианистка Лана Волконская, исполнившая сонаты Гайдна, мазурки Шопена, прелюдию Баха, тарантеллу Геллера и Хачатуряна «Иван занят». Во втором отделении выступил ансамбль народной пляски и песни Федора Климовича. Участники ансамбля в большинстве очень молодые юноши и девушки. Концерт вел С. Кубанский, исполнивший несколько народных песен. К танцам играл оркестр Литвиненко «Вечерние звезды».

• 2 мая в Тель-Авиве (Израиль) в Окружном суде слушалось дело Русской духовной миссии в Иерусалиме об имуществе миссии в Яффе. Адвокат советской стороны старался доказать, что, так как тяжба идет о Святых Местах, она не подсудна гражданскому суду и должна быть передана на решение правительства. Председательствующий судья спросил, настаивает ли Советская Миссия на этом потому, что у них нет законных документов на владение и что они слишком уверены в том, что при переводе дела в государственную инстанцию они смогут оказать достаточное политическое влияние, чтобы вопрос был решен в их пользу. Заседание Суда длилось, приблизительно два с половиной часа. Председательствующий судья, закрыв заседание, объявил, что он уведомит обе стороны о дне слушания Судебного постановления. Г-н Шарф адвокат Русской Духовной Миссии, полагает, что это может произойти через 2—5 недель. Общее впечатление от этого последнего заседания Суда, как и от двух предыду-

щих заседаний Окружного Суда, может быть определено, во всех его фазах, как вполне благоприятное для Русской духовной миссии.

• Международный комитет защиты прав человека издал в Париже открытки, на одной стороне которых отпечатана фотография Буковского, а на другой, по-русски, краткие сведения о нем, известные стихи А. Галича «Я выбираю свободу» и призыв: «Помните о Буковском! Требуйте его освобождения! Окажите ему моральную и материальную поддержку!» Открытки можно получить в Comité International pour la Défense des Droits de l'Homme, 26, rue st. Placide, Paris 6.

• Государственный Департамент издал подробную инструкцию, обязательную для всех государственных органов США, укрепляющую право иностранцев на политическое убежище в Соед. Штатах. В ней устанавливается, что «просьба любого лица о временном убежище не может быть произвольно или суммарно отвергнута государственными служащими США».

• С 5 по 7 мая в Чикаго (США) происходил съезд национальных меньшинств Америки. Русские были представлены делегацией из пяти лиц. Были приняты резолюции в связи с предстоящей выборной кампанией, и представители меньшинств, насчитывающих 25 миллионов избирателей, высказались за поддержку президента Никсона. Между прочим, была принята резолюция, согласно которой при будущих конференциях будут подниматься национальные флаги всех меньшинств. Таким образом, в октябре русский национальный флаг будет поднят в Вашингтоне перед зданием, где состоится следующий съезд.

• В номере от 21 мая вашингтонской газеты «Вашингтон пост» напечатана обширная статья Варвары Розенфельд, посвященная русской колонии в столице государства. Автор подробно описывает жизнь русских, завидный уровень их материального положения, помещает большие фотографии русских церквей и их настоятелей и упоминает о благотворительной и культурной деятельности русских обществ.

• На сеансе устной газеты Р.Н.О. в Русском Доме в Брюсселе, 10 марта, В. В. Орехов сделал обстоятельный доклад о международном положении. О. В. Желябина прочла письмо русской женщины из Советского Союза, потрясающий документ сегодняшнего положения.

• 18 марта в Париже состоялось расширенное собрание Союза офицеров участников войны на французском фронте, на которое были приглашены и представители французского и бельгийского комитетов по сохранению Русского военного кладбища и храма-памятника в Мурмелоне. С докладом выступили председатель союза кап. С. В. Богуславский и вице-председатель кап. В. А. Васильев.

• Объединение инженеров, окончивших Харбинский политехнический институт в Сиднее (Австралия), насчитывает более 150 членов. В этом году объединение торжественно отметило 50-ле-

тие со дня основания института. Был выпущен специальный юбилейный номер журнала «Политехник».

• 4 июня обществом «Отрада», Нью-Йорк, был устроен традиционный весенний бал. Играл усиленный оркестр Л. Перцева.

• 14 бывших юнкеров Николаевского кав. училища, проживающие в Сан-Франциско (США), отметили годовой праздник училища молебном и банкетом в помещении Общества русских военных ветеранов.

• Летний отдых учеников приходской школы храма св. Серафима Саровского в Мюнхене (ФРГ) будет проведен на даче в Эберсберге с 19 августа по 2 сентября. В первую очередь на этот отдых имеют право ученики нашей школы, но если останутся вакантные места, то будут приниматься и другие русские дети. Запись участников и справки по адресу: 8 Мюнхен 82, Дамашкештр. 76. Телефон 42 40 64.

• Православная школа Вифании, находящаяся в ведении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, стала, согласно ходатайству главы Миссии архимандрита Антония, отделением Св.-Сергиевской Гимназии в Нью-Йорке. Таким образом школа вошла в ведение отдела воспитания штата Нью-Йорк и может рассчитывать на материальную поддержку отдела финансовой помощи американским учреждениям вне США.

• По просьбе священника о. Петра Завадовского сообщается, что пожертвования для нуждающихся русских колонистов в Бразилии следует направлять сестричеству на адрес его представительницы: Sra Marfa Naumczyk, Rua Inhaçoria 249, Santa Rosa, Rio Grande do Sul, Brasil.

• В Св.-Троицком соборе в Чикаго (США) было отмечено 80-летие дня основания. Была отслужена литургия с участием епископа Чикагского и Минеаполисского Иоанна. На юбилейном банкете с концертной программой участвовали исполнительница народных песен П. Грибсва и хор под управлением Б. Николова.

Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин
Секретарь редакции А. Желнин

Перепечатка разрешается,
но с указанием источника

Адрес редакции:

SARUBESCHIE

8 München 86

Postfach 860327

Bundesrepublik Deutschland

Банковский счет № 90 246

Банк: Reuschel & Co.

8 München 80, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt

V. Sorokin

Druck: „Logos“, München 19, Bothmerstr. 14